детектив – событие

Евгения Михайлова

ТЕМНЫЕ ТЕНИ НЕХОРОШЕЙ КВАРТИРЫ

Детектив-событие

Евгения Михайлова

Темные тени нехорошей квартиры

«Эксмо»

2014

Михайлова Е.

Темные тени нехорошей квартиры / Е. Михайлова — «Эксмо», 2014 — (Детектив-событие)

Лара всегда мечтала жить на Сретенке и, когда ей предложили купить комнату, согласилась без раздумий. Но в день новоселья в этой большой и недружной коммунальной квартире прямо на ее глазах произошло убийство… Нина давно потеряла дочь, однако неожиданно обрела ее в соседке Лиде. Женщины стали почти родными, когда Лида вдруг бесследно исчезла. И это была далеко не единственная странная история, случившаяся в их квартире… Когда внука погибшей женщины застрелили, частный детектив Сергей Кольцов понял: на жильцов «нехорошей» квартиры объявлена настоящая охота и он обязан не допустить следующей жертвы… Бесполезно пытаться убежать от себя. Темная сторона твоей души все равно догонит…

© Михайлова Е., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 19
Глава 8 22
Глава 9 25
Глава 10 28
Глава 11 31
Глава 12 33
Глава 13 36
Глава 14 38
Глава 15 40
Глава 16 42
Глава 17 44
Глава 18 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Евгения Михайлова
Темные тени нехорошей квартиры

Все события и персонажи романа вымышленные

Часть первая
Вход в ловушку

Глава 1

Навязчивая идея – это что-то вроде занозы в мозгу. Она мешает, но поскольку мозг – не пятка, ее легко не вытащишь, с ней приходится жить и доживать до такого родства, что расставаться просто не хочется.

Лара родилась в панельной девятиэтажке на окраине Москвы. Родители у нее были сотрудниками научного института, кандидатами наук. Денег в семье было настолько мало, что в школе Лара никогда никому не рассказывала, какую зарплату получают ее мама и папа. Одноклассники бы со смеху померли, те особенно, чьи родители чем-то торгуют, что-то сдают, отбивают, отмывают и так далее (Лара в эту терминологию не вникала). Мама проявляла чудеса изобретательности, чтобы дочь была красиво и стильно одета. Училась Лара лучше всех, потому что родители с ней занимались. Но, главное, она была достаточно хороша собой, чтобы выглядеть победительницей, несмотря на то, что за ней не приезжал водитель, у нее не появлялась в первый день продажи новая модель телефона или рыжие ботинки, без которых ноги – не ноги. С младших классов девочки ей завидовали, о ней сплетничали, а в глаза льстили. Мальчики за ней бегали. Она все это воспринимала как должное. Мама говорила: «Ты получилась какая-то слишком самодостаточная. Даже не могу решить: хорошо это или плохо». Сама мать постоянно переживала. Например, по поводу того, что ребят уже стали отдавать в дорогие спортивные школы на фигурное катание, гимнастику, многие ходили на курсы вождения, поскольку к окончанию школы их уже ждал подарок – дорогой автомобиль. Лара оказалась среди самых бедных, которые занимались только в ближайшей музыкальной школе. Лара была довольна, мама – нет, папа стал искать выход. И нашел! Его знакомые – семья известных актеров – решили открыть маленькую театральную студию для детей. Они искали одаренных ребят и готовили их к поступлению на актерские отделения вузов, находили для них роли в детских фильмах. Лара, конечно, им понравилась. У нее были широко расставленные серые глаза, русые волосы, заплетенные в тугую косу, широкий ясный лоб, строгий неулыбчивый рот. Она сразу сказала: «Только я не буду хохотать, рыдать и вообще колотиться. Играть хочу». Им и это понравилось. В результате она оказалась самой искренней исполнительницей и даже снялась в нескольких фильмах, правда, в эпизодах.

Вот там, в этой семейной студии в доме на Сретенке, и родилась Ларина навязчивая идея. Она не имела никакого отношения к ее актерской карьере. Лариса решила, что должна обязательно жить здесь, на Сретенке. Ей все время казалось, что это ее место, может, она жила тут в другой жизни, ей там даже воздух казался родным.

Это не получилось. А как? Что отсутствовало в их семье, так это умение вертеться, которое по нынешним временам является, наверное, главным умением. Лара закончила школу с одними пятерками, отказалась от карьеры актрисы, собственно, у нее и такой мысли не возникало, просто она нашла красивый способ продемонстрировать одноклассникам свою исключи-

тельность. Она поступила в МГУ на филфак. Потом вдруг – опять же через папиных знакомых – появилась возможность получить второе высшее образование в Лондоне. В том самом знаменитом политехническом – Вестминсте́рском университете. Лара выбрала факультет общей медицины. Затем прошла практику психолога в медицинских центрах Великобритании. Ей понравилось. У нее была там возможность не раз выйти замуж, ее приняли на работу в хорошую фирму. Она пыталась выстроить из одной мечты несколько проектов. Сделать карьеру, найти богатого мужа, а потом… все кончалось одним: потом приехать в Москву и купить квартиру на Сретенке. В результате она приехала в Москву одна. Ей уже исполнилось двадцать восемь лет. Она была красива, образованна и слишком самодостаточна, чтобы к кому-то приспосабливаться и находиться там, где комфортно, когда хочется находиться в другом месте. Ей самой стало ясно, что она – крайне неудобный человек. Но какую-то сумму для приобретения своей квартиры она сумела накопить в Англии. В российской столице оказалось, что за такие деньги можно купить жилье в любой стране, только не в Москве и не на Сретенке… Лара устроилась на работу психологом в клинику пластической хирургии, и однажды это произошло! Одна клиентка сказала ей, что продает комнату в коммуналке в Печатниковом переулке. На Сретенке. На комнату у Лары почти хватало, правда, пришлось еще кредит взять. Но ведь свершилось!

– Я нормально отношусь к тому, что в одной квартире живут разные люди, – сказала Лара матери. – Я в конце концов – психолог. Мне вообще никто никогда не мешает. Мамочка, я еще немного поторгуюсь, и у меня останется часть кредита на машину. Мы будем часто видеться. А потом… Знаешь, как бывает в коммуналках. Я вас с папой перетащу к себе. Может, кто-то захочет поменяться на отдельную жилплощадь.

– Но мы не поедем в коммуналку, – грустно сказала мама. – А может, и поедем. Какая, действительно, разница. Просто я была почти уверена, что ты будешь жить в старом английском замке. А ты вернулась к идее своего нищего детства.

– Ты что! – парировала Лара. – У меня было чудесное детство. Я в студии всегда играла принцесс. Значит, все во мне это увидели. Мамочка, принцесса – это на самом деле характер и судьба.

Мать промолчала. Она считала, что судьба женщины – семья, а не дурацкая комната в коммуналке.

Глава 2

Виктор Корнилов, отец Лары, был добросовестным рядовым ученым, которого всегда можно заменить другим. Но он стал незаменимым человеком для большого количества друзей. Мать Лары, Полина, считала, что дело в его мягком характере.

– Ты сильная, – говорила она дочери. – Поэтому у тебя практически нет друзей и подруг. Одни знакомые. К тебе нужно приспосабливаться. А с Витей всем легко. Ему все подходят. У него в близких друзьях и одноклассники, и сокурсники, да любой человек, с которым он знакомится, тут же становится его приятелем. Для меня это не так уж удобно, но у него настолько мягкий нрав, что даже поссориться с ним по-настоящему мне никогда не удавалось.

Лара рассмеялась, нашла в планшетнике одну запись и сказала:

– Послушай. Я иногда использую эту цитату как тест для своих клиентов. Люди раскрываются, реагируя на нее. Готова? «Если вы можете: начать свой день без кофеина, быть жизнерадостным и не обращать внимания на боли и недомогания, удержаться от жалоб и не утомлять людей своими проблемами, есть одну и ту же пищу каждый день и быть благодарным за это, понять любимого человека, когда у него не хватает на вас времени, пропустить мимо ушей обвинения со стороны любимого человека, когда все идет не так не по вашей вине, спокойно воспринимать критику, относиться к своему бедному другу так же, как и к богатому, обойтись без лжи и обмана, бороться со стрессом без лекарств, расслабиться без выпивки, заснуть без таблеток, искренне сказать, что у вас нет предубеждений против цвета кожи, религиозных убеждений, сексуальной ориентации или политики, значит, вы достигли уровня развития своей собаки». Это написал Уинстон Черчилль. Разве это не про папу? Разве кто-то откажется иметь такого друга?

– Это про твоего папу… В основном, – растерянно произнесла мама. – Но почему – достичь уровня собаки?

– Так это и про собаку. И про дар искренности, преданности, всепрощения. Эту цитату я храню со времен актерской студии. Нам говорили: «Если вы сумеете переиграть в кино собаку, значит, у вас есть талант». Я не смогла. Вот поэтому я не привлекаю людей. А у папы талант. По жизни. Заводить много друзей.

Полина улыбнулась.

– Просто смешно, насколько это похоже на Витю… и действительно на собаку. Кстати, он нашел друзей, которые берутся после работы отремонтировать твою комнату. Бесплатно!

– Вот видишь. С кем-то, кроме папы, такое разве могло произойти?

Лара свою комнату осмотрела бегло и формально. Большая. Пока совершенно чужая – захламленная, со старой мебелью, запахом заброшенного жилья. Хозяйка больше жила за городом. Никаких представлений соседям не было. Лара поздоровалась с кем-то в коридоре, кто-то ответил, кто-то нет. Она была переполнена собственным волнением. Все неважно. Она покупает эту комнату, несмотря ни на что. Станет здесь жить – познакомится постепенно и наладит отношения с соседями. Психолог как-никак. А собственно комната… В жизни Лары есть пока один волшебник. Это папа. Они с мамой никогда не вникали ни в подробности ремонтов, ни в выбор новой мебели (что случалось нечасто). У отца идеальный вкус, у него – самые талантливые друзья. А они с мамой – не самые домовитые хозяйки. Мама, конечно, старается, но в основном на кухне. Лара совсем не старается. Пока не для кого.

Отец взял отпуск и занялся ремонтом комнаты дочери. Днем он ездил, покупал все, что нужно, к вечеру приезжали его друзья. Лара тем временем купила машину, получила права. Вечерами, когда он возвращался, Лара спрашивала его о соседях. Не раздражает ли их ремонт, что они за люди. Она как-то не успела с ними познакомиться.

– Очень приятные у тебя соседи, – отвечал отец. – Мы иногда пьем вместе чай или кофе. Я, кстати, купил тебе кофеварку и большой электрический чайник. Покупаю пирожные или торт. Соседи говорят, что довольны, ты им понравилась.

– Лара, у кого ты спрашиваешь, – пожимала плечами мама – Полина. – Мы же это с тобой обсуждали. Ему все нравятся. Они все будут с ним дружить. Но это не значит, что у тебя с ними возникнут теплые отношения. Я, честно, очень опасаюсь. Ты забыла, как в школе о тебе вечно сплетничали, делали гадости, но тогда ты просто уходила домой. А здесь – одна ванная, как ни крути, один туалет, и, что ужасно, кухня… Ты приходишь после работы усталая, а там – чужие люди. Витя, ты можешь по-человечески нам сказать: там есть кто-нибудь, кто не показался тебе ангелом?

– Есть, – вдруг задумчиво сказал тот. – Такая монументальная дама с крупным лицом… Все остальное у нее тоже крупное. Она не улыбается, говорит очень громко, отдает нам команды. Она там вроде старшая по квартире. Зовут ее Валентина Николаевна.

– Ну, вот, – вздохнула мать. – Подарок номер один. Командирша. А чай с пирожными она у тебя пьет, Витя?

– Да, но как-то очень строго. Как будто у меня что-то не по закону.

– Мама, папа, – заявила Лара. – Никаких старших по коммунальной квартире не существует в природе. Это называется самовыдвиженка. Я с ней справлюсь.

– Надеюсь, что нет, – огорченно сказал отец. – Я, может, что-то не так понял или не то сказал. Но Валентина Николаевна ничего плохого нам не собирается делать. Я к тому, что справляться с ней не нужно. Я так считаю.

– Папа, ты со своей добротой все как-то перевернуто воспринимаешь, – рассердилась Лара. – Я же не убивать ее собираюсь. Просто, если она ко мне полезет с командами, – это не получится, вот и все.

Глава 3

Для переезда Лара выбрала свободный день – среду. С вечера они с мамой уложили самые необходимые на первые дни вещи в одну не очень большую сумку. Все основное уже отвез туда отец – комплекты постельного белья, одеяла, подушки, полотенца, посуду. Он перед работой пытался ей рассказать, кого как зовут из жильцов, кто как выглядит и чем занимается, но Лара пришла в ужас.

– Ты хочешь, чтобы я с твоих слов все это запоминала? Папа, может, я на месте сама разберусь? Я видела там каких-то женщин, парня, кто-то рассматривал меня в щель двери своей комнаты, но сейчас я с ними познакомлюсь. Со мной там даже не все поздоровались. И я бы с чужими не очень раскланивалась. Буду вливаться в коллектив. Про командиршу ты рассказал. Твой способ общения мне понравился. Я тоже куплю торт, приглашу всех на кофе. Не обижайся.

– О чем ты, девочка? Я тебе кажусь навязчивым? Просто хотелось, чтобы тебя сразу приняли. Знаешь, жили себе люди вместе, привыкли, и тут – новый человек. От первого знакомства зависит многое…

– Ты беспокоишься, что я сразу всех оттолкну, – Лара подошла к отцу и прижала свой упрямый лоб к его плечу, как в детстве. – Все будет хорошо. Тем более, мы с мамой решили, что ты им всем точно стал другом. А я – твоя дочь. Дочь друга.

– Может, и стал, – улыбнулся Виктор. – Я вечером заеду, ты не возражаешь?

– У нас теперь такие церемонии, да? Возражаю. Сначала запишись у моего секретаря… Слушай, давай не будем делать из моего переезда событие. Это даже не другая страна, а всего лишь другой район. Я просто осуществила свою маленькую глупую мечту.

– Ты точно довольна?

– Да, – серьезно ответила Лара. – Меня туда тянет.

Она заехала в кондитерскую и купила огромный шоколадный торт с шоколадным бантом на боку. Кофе купила растворимый, швейцарский, тоже в очень большой банке. Для кого-то растворимый кофе – это ужас-ужас, а у Лары нет времени возиться с купленной отцом кофеваркой. А когда нет времени и желания, неизменно получается бурда. В общем, она сделала все, чтобы подсластить свое появление людям, которые – тут папа совершенно прав – ее не ждали.

Именно эту фразу она и произнесла, открыв дверь квартиры своим ключом и дождавшись, пока в прихожей соберется как можно больше народа. Время было довольно раннее, люди еще не разошлись по своим делам. Кто-то вышел с полотенцем из ванной, кто-то встал на пороге кухни, продолжая жевать, высокий парень в офисном костюме уже надевал туфли, модно одетая женщина стояла перед большим зеркалом в прихожей. Последней выплыла из своей комнаты командирша Валентина Николаевна, тут ошибиться невозможно: отец хорошо ее описал. Она была в полосатом махровом халате, на лице – выражение крайнего неудовольствия. Как будто в ее спальню во дворце вошли без доклада.

– Картина «Не ждали», – сказала Лариса. – Доброе утро. Меня зовут Лара. Если кто-то меня не узнал или вообще видит первый раз, то я здесь живу. Мой отец Виктор, конечно, всем знаком. Делал в моей комнате ремонт. Привет от него.

– Доброе, – сказала хорошо одетая брюнетка лет тридцати пяти. – Меня зовут Марина. Будем на «ты»?

– Конечно, – ответила Лара. – Если кто-то еще согласен, это очень бы все упростило. Все-таки в одной квартире…

– Я резко согласен, – улыбнулся парень, который уже надел туфли. – Толя. Поскольку я не завтракал, а в этом твоем сундуке по всему – торт, могу задержаться. Ты ж не одна собиралась его съесть?

– Я потому так рано и приехала, чтобы всех застать. Иду в свою комнату, накрываю стол. Кофе у меня растворимый. Ничего?

– Ничего хорошего, – произнесла серьезно Марина. – Виктор себе такого не позволял, а я вообще на диете… Так долго на диете, что тоже задержусь. Я этот торт узнала.

– Вот и отлично. Со всеми познакомимся ближе за кофе, заходите через пять минут.

Лара вошла в свою комнату и ахнула. Да, на такие чудеса способен только ее папа со своими уникальными друзьями. Комната – метров тридцать, с очень высоким потолком – превратилась в стильное и в то же время уютное дизайнерское жилище. Это уже была не комната. Арки, отделенные простой, но очень удобной мебелью уголки, создавали впечатление необычной квартиры. Здесь было место и для работы с компьютером, спальня с очень красивой кроватью, гостиная с круглым небольшим столом и маленькими уютными креслами. Отец потратил на это совсем немного денег. Да. Всего лишь хороший вкус и… друзья. «Как жаль, что этого гена у меня нет, – подумала Лара, – но сейчас я постараюсь».

Она включила электрочайник, достала чашки и блюдца с полок того, что был похож на антикварный буфет, одновременно напоминавший стильный бар. Когда соседи вошли и сели вокруг стола, оказалось, что их не так уж и много. С Ларой семь человек.

– Поскольку Марина и Толя торопятся на работу, а я сегодня свободна, предлагаю сразу навалиться на торт, а потом успеем познакомиться. Валентина Николаевна, о вас мне папа рассказал, – улыбнулась Лара командирше и поставила перед ней тарелочку с огромным куском торта.

– У меня диабет, – строго сказала Валентина Николаевна. – Но торт я люблю. Спасибо.

Лара включила телевизор для разогрева, все стали обсуждать новости, особенно очередное повышение тарифов. Торт стремительно таял, кофе Лара наливала уже несколько раз, на какую-то секунду ей показалось, что она попала в старое кино. Она первый раз в жизни сидела за столом с соседями.

Вдруг в прихожей зазвонил телефон. Никто не дернулся, неторопливо и гордо поднялась только Валентина Николаевна. Ясно, что важных звонков по общему телефону может ждать только она. Телефон звонил долго. Марина фыркнула: «Пошла сначала свой жабий настой пить. Надо же так себя любить. Пусть весь мир подождет». Лару дернула за рукав худенькая седая женщина в очках.

– Меня зовут Нина Георгиевна. Можно просто Нина и на «ты». Даже хотелось бы. Твой отец тебе сказал, что Вале нужно платить? Я ему говорила.

– За что? – изумилась Лара.

– Не знаю, – пожала плечами Нина Георгиевна. – Ну, она же старшая. Вроде так положено. Мы всегда ей платим. Каждый месяц.

– Сколько?

– Она всем разные бумажки дает. Типа самодельные квитанции. Но с печатью. Я плачу пятьсот в месяц. Марина, кажется, тысячу.

– Вы, случайно, не сумасшедшие? Это мошенничество! Я ничего не собираюсь ей платить.

– Лучше плати, – невозмутимо сказала Нина Георгиевна. – Некоторые тоже, как ты, пытались возмущаться. Но она начинает орать, придираться. Иногда даже участкового приводит. Жалуется: не там поставили, не то включили, много воды льют, гости приходят… В общем, никому это не надо. Легче платить.

– Да. Дела… – Лара не то чтобы приуныла, но задумалась. Это уже не очень похоже на старое идиллическое кино с Олегом Меньшиковым.

– Так, мне пора, – поднялся Анатолий. – Спасибо, Лара. Увидимся вечером.

– Мне тоже пора, – встала и Марина. – Я не стала похожей на Карлсона? Съела четыре куска!

Вдруг в прихожей что-то загремело, как будто стена обрушилась. Толя, Лара и Марина выбежали первыми. И остолбенели. Массивная тумбочка, на которой стоял телефон, лежала на боку, огромное старинное зеркало еще продолжало осыпаться мелкими кусочками из темной рамы. А на полу, усыпанная зеркальными осколками, лежала Валентина Николаевна. Ее лицо, на котором несколько минут назад рдел багровый румянец, стало темно-синим. Глаза остекленели, рот открыт… Лара бросилась к ней, взяла ее руку, потом оттянула веко и повернулась к испуганным соседям.

– Она умерла.

Глава 4

Виктор, которому Лара позвонила сразу же, примчался раньше «Скорой» и полиции.

– Боже! Что произошло? Вы знаете, что ничего нельзя трогать?

– Папа, это знают все, – сказала Лара. – Я только сейчас подумала: а родственники у нее есть? – Она оглянулась на соседей. – Почему им никто не звонит?

– У нее сын, невестка, внук. Только мы не знаем их телефона, – сказала Нина Георгиевна.

– Это вы не знаете, – с непонятным вызовом заявила диковатого вида тетка с оранжевыми волосами, которая стояла, держа за руку странно раздутого мужчину непонятного возраста. Лару эта пара удивила еще во время завтрака в ее комнате. Эти двое все время молчали и синхронно поедали торт. – У меня все записано. Пошли, Леня, найдем.

Они вошли в одну из комнат, а Нина Георгиевна прошептала Ларе на ухо:

– Это Зина с сыном. Они при Валентине были как цепные псы. Мне кажется, она им платила. Леня немного придурковатый. Он никогда не учился и не работал.

Виктор, слушая Нину Георгиевну, смотрел на дочь с тоской и жалостью. Он так старался украсить ее мечту, но судьба все делает по-своему. Он, конечно, жалел Валентину Николаевну, такую мощную и уверенную в себе. То, что с ней произошло, не должно иметь отношения к Ларе. Но это похоже на убийство. Оно случилось в Лариной квартире. Из этого формально вытекают какие-то последствия, показания, проблемы…

– А что с зеркалом? – спросил он. – Как оно могло разбиться?

– Зеркало всегда разбивается к беде, – поучительно сказала Нина Георгиевна.

– Ой, эти забобоны, – вздохнул Толя. – Валентина всегда была неуклюжей, как корова на льду. Она в нормальном-то состоянии все на кухне опрокидывала. А тут ее прихватило, вот она и успела все разнести…

– Толя, – возмущенно произнесла Нина Георгиевна. – Как ты говоришь об усопшей… С ума сойти. «Как корова…» Думать все же надо.

– Вот и думайте, – ответил Толя. – А я пошел на работу.

– И мне пора! – встала рядом с ним Марина.

– Э! Нет! Не выйдет у вас убежать! – заявила с порога своей комнаты Зина. – В полиции сказали, чтоб все, кто был в квартире, не расходились. Умные какие нашлись. Валентина ни на что не жаловалась. Нормально себя чувствовала. А тут поела торта – и померла.

Зина уставилась на Лару злобными маленькими глазками.

– Тьфу ты, черт! – выругалась Марина. – Уже придумала, что сказать. Она у нас специалист по доносам, – объяснила она Ларе и Виктору. – Что ж ты, Зина, тоже не скопытилась со своим Леней. Вы так торт наворачивали…

– Все наворачивали, а померла только Валя, – Зина всхлипнула. – Вот пусть полиция и разбирается, как это вышло. Никого не выпущу, пока начальство не прикажет!

– Слушай, ты б успокоилась на самом деле, – возмутился Толя. – У тебя одно начальство. Было. Вот оно лежит. Раскомандовалась!

Лара сжала виски руками. Это походило на дурной сон. Она взяла отца за руку и повела в свою комнату.

– Папа, кошмар заключается в том, что это действительно очень похоже на отравление.

– Похоже, – ровно сказал Виктор. – Она синяя! И стала такой за минуту – не больше. Тут говорили про какой-то настой. Надеюсь, не жабий. Хорошо, что на тарелках остались кусочки торта. Чашки тоже мыть нельзя. Хотя, наверное, это тромб или обширный инфаркт. Гадать тут нечего. Нужны опытные специалисты. Подожди, я сделаю пару звонков. Мне кто-то говорил об одном частном детективе.

– Папа, не увлекайся. С какой стати? Это дорого. Пусть родственники их и нанимают, если будут основания. Мы-то здесь при чем?

– Ни при чем, конечно. Просто не помешает в том случае, если она действительно отравилась тортом или кофе. Я подумал об этом только потому, что понял, какие тут «теплые» отношения. А вдруг кто-то воспользовался ситуацией с твоим появлением, этим тортом… Теперь выясняется, что здесь живет профессиональная стукачка. Понимаешь, я месяц сюда ходил, был уверен, что они чудесно друг к другу относятся.

– Ежу понятно, что ты так думал, – озабоченно сказала Лара. – Ну, позвони, действительно не помешает… И маме надо как-то сказать.

– Скажем дома. Когда все прояснится, ты же вернешься со мной домой?

– Конечно, нет. Папа, я здесь живу.

Глава 5

Сергей Кольцов, частный детектив, какое-то время задумчиво смотрел на телефон, затем поднял взгляд на лицо жены Насти. Тревожно взлетевшие ресницы над бархатными карими глазами, напряженная морщинка между бровями, плотно сжатые губы – всего лишь ее обычная реакция на любой звонок о чьем-то несчастье. По другим поводам Сергею в принципе звонили крайне редко. Он опустил взгляд. Сын, Олежка, смотрел на него ярко-голубыми глазами радостно, с готовностью к любому действию: куда угодно готов бежать, лететь с горы на санках, кататься у отца на плечах, кувыркаться, хохотать. Вот такая у него компания после долгого и вполне себе чудесного холостяцкого периода. Захотел – поехал на дело, не захотел – отказал. После женитьбы уходить из дома стало труднее. Он не научился расставаться с Настей. И с Олежкой. Сейчас это вообще не дело, просто очередная просьба знакомого подключиться к проблеме его друга. Женившись, Сергей дал себе слово – такие просьбы «по дружбе» резко пресекать. Но не тут-то было. Настя считает, что он чем-то обязан человечеству. Если она сейчас решит, что это серьезно, придется работать. Вот так, с бухты-барахты, без договора, не видя клиента, отложив даже радость Олежки на потом. Собственно, они поженились после того, как Настя практически сделала за него работу, серьезную, опасную, на интуиции, сострадании и вдохновении. Он в это время пялился на нее, как влюбленный осел. Примерно так оценивал Сергей то их совместное дело. Теперь они – соратники.

– В общем, Настя, – сказал он. – Дело ерунда. Справится любой следователь. Возможно, там просто несчастный случай или естественная смерть от какой-то болезни.

– Почему тебе позвонили?

– Дочка друга мужика, который позвонил, оказалась в сложной ситуации. Как им кажется. Но я так не думаю. Это перестраховка.

– Ты не можешь подробнее?

Сергей взял на руки ребенка, высоко поднял его у стеллажа с игрушками.

– Возьми тот мяч с верхней полки. Он нам очень нужен. Молодец. Теперь сходи в ванную, хорошенько его помой, вытри и принеси, ладно? Только как следует. Мы будем на него тарелки ставить во время завтрака. У кого не упадет. Договорились?

– Да! – радостно выдохнул Олежка, схватил красный мяч и деловито направился в ванную.

– В общем, это нелепая история, – сказал Сергей. – Выеденного яйца не стоит…

Настя слушала очень сосредоточенно.

– Надеюсь, ты так не думаешь на самом деле, – сказала она, дослушав. – Согласись, совпадение очень странное. А вдруг действительно кто-то воспользовался появлением этой девушки и… Сережа, ты же знаешь, как это бывает.

– Ты хочешь сказать, что у тебя что-то щелкнуло, звякнуло, дернулось? Включилась твоя интуиция?

– Да, – твердо заявила Настя. – И потом, я всегда жила среди врачей и фармакологов – коллег мамы. Это не естественная смерть.

– Понятно. Вари кофе, я позвоню Славе и Масленникову. Без них я – ноль без палочки.

Настя быстро прошла на кухню, по пути перехватила радостного Олежку с мячом. К фокусам своих мужчин она привыкла. И небьющиеся тарелки у нее, конечно, имелись.

– Привет, Слава, – сказал Кольцов руководителю управления по расследованию убийств Вячеславу Земцову. – Ты удивишься, но, возможно, кое-кого убили. Одну даму.

– Если ты хотел меня удивить, то тебе это удалось, – хмыкнул Земцов. – А сейчас мне нужно работать.

– Слава, послушай, пожалуйста. Масленникову это точно будет интересно как эксперту. Он очень любит отравления. Дама лежит дома синяя. А если он возьмет это дело, то куда ж ты от него денешься.

Земцов вздохнул и выслушал Сергея.

– То есть ты представляешь интересы девушки, которая вошла в эту квартиру первый раз, правильно я понял?

– Не то чтобы представляю. Просто есть опасения, что у нее могут быть неприятности в случае халатного расследования.

– Так. Допустим, эту даму отравили или что-то еще. Там полная квартира подозреваемых, и только эта девушка практически не знала покойную. Какой у нее мотив может быть даже при халатном расследовании?

– Да простой, Слава. Простейший. Купила комнату в коммуналке в центре, чтобы выморить всех остальных жильцов. Такое бывает.

– Но не так тупо. Приступить к делу с первых минут?!

– Бывает и тупо.

– Ладно. Давай адрес. Если Масленникова это заинтересует, мы заберем эту покойницу. Девушку будем обыскивать, как и всех остальных жильцов. Удивляюсь, ты же вроде женился. А все какие-то девушки.

– Так ведь я волею пославшей мя жены…

Глава 6

Мелкие осколки зеркала делали ситуацию совершенно нереальной. Люди стояли в прихожей, боялись двинуться с места, никто не решился даже закрыть покойнице глаза и снять осколки с ее лица. Сказали ведь – ничего не трогать. Первым в квартире появился участковый – молодой, коротенький и толстый парень. Вошел привычно, как в собственную квартиру, видно, бывал он здесь не раз.

– Так-с. Здрасте. Ничего себе. Вчера с ней говорил, она тащила из «Ашана» телегу на колесах, – и тут бах! И че у вас творится? Драки не было? Лучше говорите правду. Следствие все равно узнает. А это кто? Я их не знаю.

– Жиличка новая, – проскрипела Зина. – И ейный папаша. Она сегодня приехала с тортом, Валя его поела – и вот. Драки мы не видели. Мы все в комнате этой сидели. Потом приехал ейный папаша.

– Меня зовут Виктор Корнилов, – мягко сказал отец. – Моя дочь – Лариса – купила комнату в этой квартире. Я месяц занимался ремонтом, Лара приехала сюда только сегодня.

– Ваши документы, – выпалил участковый. – И документы на жилплощадь.

– Как вас зовут? – спросил Виктор. – Надо бы познакомиться.

– Николай Нискин, участковый инспектор по данному микрорайону.

Лара и Виктор молча протянули ему паспорта, потом она показала купчую. Нискин долго и подозрительно ее рассматривал. После изрек:

– Какая-то странная. Печать вроде размазанная…

– Перестаньте валять дурака, – резко сказала Лара. – Вы должны знать, где находятся другие экземпляры этого документа. И вообще, мне кажется, вы забыли, зачем пришли.

– Видишь, Коля, – охотно внедрилась Зина, – что за жиличка у нас завелась. Ей по барабану, что ты – начальство.

– Надоело, чесслово, – произнес Анатолий. – Зина, ты не можешь не вставлять свои пять копеек каждый раз, когда это не твое дело? Коля, мне надо на работу. Я могу уйти? Или мне целый день эту бодягу слушать?

– Какая работа, – пожал плечами Коля. – Тут такое происшествие. Следователь велел никого из квартиры не выпускать.

– Где он, твой следователь?

– Он не мой, – строго пошутил Коля. – Он теперь ваш. Откуда я знаю, где он. Щас приедет. Один у него труп, что ли.

– Подъехали, – сказала Марина, выйдя из кухни. – Я в окно видела. Менты и «Скорая».

– Надо говорить «полиция», – назидательно произнес Нискин.

– Давай, поучи меня, – пренебрежительно ответила Марина. – Ты пришел весь такой важный. А у тебя с Валькой больше всех терки были. Мы просто платили, а ты с ней торговался. Своими ушами слышала.

– Да ты… Ты сама поняла, что сказала?

В это время в квартиру уже заходили два врача и два полицейских за хмурым человеком в штатском. Это, по всему, и был следователь. Он не поздоровался, просто молча уставился на труп. Потом врачи осматривали тело, и уже все жильцы показывали следователю паспорта с регистрацией, его помощник записывал места их работы, телефоны. Врач подошел к следователю.

– Напишем в акте, что она скончалась. Приблизительное время. От чего – мы не эксперты.

– Спасибо. Эксперт должен подъехать, – буркнул следователь. – Вы свободны.

Он повернулся к своей группе.

– Ребята, надо собирать то, что они ели и пили. В какой комнате? – повернулся он к жильцам.

– Вот! – воодушевленно распахнула дверь к Ларе Зина.

В это время в прикрытую входную дверь позвонили. Участковый важно распахнул ее, как хозяин, встречающий гостей, и впустил группу мужчин в штатском.

– Че это? – удивился он. – Столько экспертов теперь выезжает на один труп?

– Я не понял, – сказал следователь микрорайона Денисов. – Должна приехать Тамара.

– Так я и приехала, – сообщила с площадки женщина, одетая в пальто, напоминающее плащ-палатку.

– Благодарю всех за работу, – сказал серьезный молодой человек в темном костюме. – Вячеслав Земцов, руководитель управления по расследованию убийств. Со мной специалист по особо важным экспертизам генпрокуратуры Александр Васильевич Масленников и частный детектив Сергей Кольцов. Мы берем это дело, – он протянул следователю удостоверение.

– Если честно, – тот стал даже менее хмурым, – дарю его вам с большим удовольствием. Тамара, ты, кажется, здесь не нужна.

– Ничего себе, – протянула та и посмотрела на лежащее тело. – Мне никто не доложил, что тут какую-то шишку грохнули.

– Я в шоке, – заключил участковый Нискин. – То вообще не дождешься, чтоб приехали, а то нарасхват…Так я не понял: город, что ли, берет Валентину?

– Да, Коля, – хлопнул его по плечу Денисов. – Самая высшая инстанция. Вот эксперт генпрокуратуры. Согласен с Тамарой: я и не знал, что у вас в коммуналках такие шишки живут. Да так оперативно приехали. До встречи, друг.

– Ты, Коля, – гений, – сказала Марина, глядя не на Нискина, а на стройного блондина в джинсах и кожаной куртке, который задумчиво по очереди рассматривал всех присутствующих, словно артистов, вышедших на поклон. Он встретил ее взгляд и представился:

– Сергей Кольцов, частный детектив.

– Спасибо вам огромное, что приехали, – сказал Виктор.

– С вашего позволения, – открывая закаленный в боях портфель, заметил эксперт Масленников, – я приступаю к работе.

– Не будем вам мешать, а в плане помощи могу лишь с участковым переписать всех, кто был на момент смерти в квартире, данные передам, – с готовностью предложил Денисов. – Тамара, ты потом меня не подбросишь домой? Нам по пути вроде. В отделение не поеду. Я всю ночь мерз у гаража, где машину взорвали.

– Нам, конечно, не по пути, – со смехом ответила Тамара, – и все это знают, но я тебя возьму. Сама с ночи. Спасибо коллегам, что взяли нашу головную боль.

– Пожалуйста, – вежливо ответил Земцов. – Рады знакомству.

Следователь Денисов с Тамарой составили списки жильцов, передали Земцову, стали прощаться.

– А я останусь, – заявил Коля Нискин. – У вас будут вопросы. Они тут небось такого наговорят. Я лучше знаю.

– Ясен пень, – хмыкнул Анатолий. – Тем более, что делать тебе нечего. А я могу наконец на работу ехать?

– Конечно, – ответил Земцов. – Все могут идти по своим делам, а кто остается, просьба уйти в свои комнаты. – Вам придется остаться, – он посмотрел на Лару. – Я правильно понял, что это вы въехали сюда сегодня и привезли торт? Нам необходимо взять все, что нужно для экспертизы. Да, те жильцы, что уедут, могут доверить кому-то из соседей ключи, чтобы мы взглянули на комнаты хотя бы с порога. Это не обыск. Просто поверхностный осмотр.

– Следы борьбы во время удушения? – рассмеялся Анатолий. – Я вообще никогда дверь не закрываю. Вот моя комната. Наличные держу в банке.

– Я закрываю всегда, даже когда дома, – Марина протянула Славе ключ. – Берите, пожалуйста. Мне скрывать нечего. И лишь бы на этом все закончилось. Потом закройте, пожалуйста, и отдайте ключ Нине Георгиевне. Ни в коем случае не этой парочке, – она кивнула на Зину с сыном, – и не участковому.

– До чего люди наглые, – сделал вывод Коля Нискин.

Глава 7

Когда все разъехались, увезли тело Валентины Николаевны, Лара вытолкала отца, чтобы он вернулся на работу. Сама закрыла изнутри дверь своей комнаты, села на диван, глядя на стол, с которого забрали остатки торта, тарелки, чашки… Ее руки предательски дрожали, она очень крепко сжала зубы, как делала всегда, когда ей хотелось заплакать. Она никогда не плакала. С детства считала это постыдной слабостью. Но дело в том, что явно авторитетный и очень опытный эксперт тихо сказал Земцову:

– Похоже на отравление, Слава. Есть слабый запах миндаля изо рта. Торт как раз с миндалем. В него легко добавить цианид. Если при вскрытии не обнаружится патология, вызвавшая мгновенное удушье, то это больше ни на что не похоже. В комнате покойной лежат результаты недавнего обследования из районной поликлиники. Кардиограмма нормальная. В крови следы сахара, очень низкие титры – это не диабет. Хотя ей и написали такой диагноз. Поэтому не ограничивайтесь только остатками еды, возьмите ее зубную щетку, пасту, все, что можно, из ее холодильника. Ну, и конечно, лекарства из аптечки.

Отец, уходя, смотрел на Лару умоляюще, перед этим мама просила ее по телефону приехать домой хотя бы сегодня вечером. Лара ровным голосом заявила:

– Нет. Я обязательно заеду завтра. Просто я уже взяла день на работе, чтобы провести его здесь… Всякие дела, что-то купить, развесить. Ну, получилось не очень приятно, но это не повод нарушать свои планы.

Вот сидела она сейчас, глядя на неубранный стол, с которого, возможно, пришла смерть, и ненавидела себя, свои планы, свою упертость, с которой не могла справиться. Ей больше всего хотелось находиться в своей квартире с родителями, а не трястись тут одной. Умыться не выйдешь, чтобы не встретить злобный взгляд Зинки, не увидеть раму от зеркала и вообще весь этот кошмар. Лара верила в знаки, в судьбу, ей казалась знаком и судьбой возможность поселиться в этом месте Москвы. Но то, что случилось сегодня, разве это не знак того, что она ошиблась? Что ее навязчивая идея оказалась ловушкой? В общем-то, ничего страшного, постаралась успокоить себя Лара. Продать эту комнату проще простого. Но неизвестно, что выяснится, какие придется давать объяснения. Да и не в этом даже дело. Лара не собирается уступать. Это не ее формат – менять свои решения. Но как же ей плохо и одиноко сейчас. В дверь постучали. Она встала, открыла.

– Я все убрала, – кротко сообщила Нина Георгиевна. – Они разрешили. Хочешь, уберу у тебя со стола?

Лара пожала плечами.

– Не знаю. Нина, мне нужно в туалет, в ванную, покажи, пожалуйста, где у вас тут все. Полотенца надо брать с собой или там можно повесить?

– Толя все оставляет в ванной. И Валя оставляла… Ее вещи забрали на экспертизу. А мы все носим с собой и обратно в комнату. Лично мне не хочется, чтобы моим полотенцем Зинкин сын ноги вытирал.

– А, – сказала Лара. – Понятно. Мне тоже этого не надо.

Она взяла полотенце, Нина Георгиевна провела ее по местам общего пользования. Потом предложила пообедать вместе с ней: «Я котлетки вчера пожарила».

– Ой, – содрогнулась Лара. – Нет, спасибо. Пока не хочу. Попробую поспать.

Она вернулась в комнату, переоделась в пушистый длинный халат и залезла в нем под одеяло. Надо согреться, потому что холодок смерти гуляет по квартире.

Ей почти удалось задремать, когда в дверь опять постучали. Лара открыла глаза и подумала: «Вот ужас!» Первым желанием было не открывать. Но она заставила себя встать, подойти к двери, повернуть ключ.

– Ты не спала? – смущенно спросил сосед Анатолий, который так рвался утром на работу.

– Пыталась, – удивленно ответила Лара. – Я не поняла, ты же вроде уехал.

– Да как-то не работалось, знаешь. И я подумал: тебе-то здесь, наверное, еще хуже. Короче, у меня виски и королевские креветки. Новоселье как-никак. Ну, и за знакомство, и за упокой Валькиной души…

– Проходи. Юмор у тебя, однако… Но, знаешь, хоть я не люблю виски, это, пожалуй, сейчас то, что нужно. У вас всегда в квартире такой могильный холод?

– Холод – всегда, – Толя вошел, поставил на стол бутылку, нашел блюдо для креветок и рюмки. – Могильный – именно сегодня. С чем сейчас и будем бороться.

Они выпили. Лара почувствовала, как теплеет ее кровь. Улыбнулась соседу.

– Толя, я не поняла одного: ее увезли, а родственники так и не приехали.

– Я слышал, как Зинка с сыном говорила. Они то ли не в Москве, то ли сказали, что не в Москве. Чего теперь торопиться? Приедут. Они деловые, как Валька. Сразу начнут продавать, вывозить, она в свою комнату все тащила, как муравей.

– Они ее не любили?

– Я ж говорю: они такие же, как она. Только хватательный и получательный инстинкты. Она с нас имела каждый месяц тысяч восемь-десять. Это просто так и еще на придуманные цели. Я тут как-то подумал: две тысячи в месяц, которые она с меня стригла, сейчас и не деньги вовсе, но если бы я их откладывал, как школьник деньги на обед, то мог бы наконец поменять машину. За столько-то лет.

– Слушай, ты молодой современный мужчина. Можешь мне объяснить, почему ты повелся на этот шантаж с поборами? Ну, понятно, что можно запугать Нину Георгиевну, но вы с Мариной – не такие.

– Мы – крутые, это ты верно подметила. Но ты, говоришь, не в России жила в последнее время? А до этого была папина дочь. Остальные знают, что в Москве в большинстве домов люди платят мошенникам, которые запаслись кучами нужных бумаг и поддержкой других мошенников. Это может называться кооператив, какое-нибудь товарищество, старшие по дому. У нас по квартире. Нет закона, по которому они имеют право собирать нецелевые деньги. Но скажу про Вальку. Мы на каком-то собрании согласились, что она будет улучшать квартиру, а мы просто лежать пузом кверху. Надо же что-то менять, ремонтировать, исправлять. У нас засоры, трубы прорывает, то да се. Даже я подумал, что это будет типа общак. Если авария, а мы на работе, ей же деньги срочно нужны, так? Прошли годы, ничего нам не поменяли даже на копейку. Что-то сломается, мы приходим – а у нас другая старая ерунда стоит, наверное, с помойки. У нее много таких «умельцев». У себя она что-то ремонтировала. Говорила, что у нее все рушится. Я, к примеру, ее посылал и переставал платить. И такие странности начинались. То хулиганы стекла побьют в машине. То в подъезде лампочка оказывается выкрученной, и у меня кто-то все из карманов выворачивает, при этом морда лица страдает. А Валя ночи напролет за компом отчеты пишет. Отмывает наши трудовые. Так все поступают. От одной Вальки другую не ищут. Я стал платить, и все происшествия прекратились.

– Криминальные контакты у покойной, – задумчиво сказала Лара. – Но тогда, может, кто-то…

– Может, и кто-то очень близкий. В ее случае я ничему не удивлюсь.

– А кроме этого, на что она жила?

– На все. Она – персональный пенсионер, ветеран, инвалид, что там еще, я не знаю. Она все это купила. Держит какие-то торговые ряды на рынке, сын привозит из Китая всякую хрень. Точно не знаю, конечно, чем они торгуют, просто видел, как он коробки какие-то на мусорку выбрасывал.

– Живут ее родичи далеко?

– Дом за городом, квартира где-то. Не знаю точно. Слушай, я что-то есть захотел. Это не еда. У тебя ничего нет? Торт не предлагать. Спокойно. Шутка.

– Нет… Я тоже бы поела. Быстро мы с креветками расправились. Мне вообще-то Нина предлагала котлеты. Может, попросим? Я завтра ей верну. В смысле, куплю фарш или полуфабрикаты, что ей больше понравится.

– Вижу, ты страшно домовитая. Кофе растворимый, полуфабрикаты. Сразу скажу, не смогу на тебе жениться. Хотя ты красивая. Но у меня навязчивая идея – жена должна готовить, постоянно и творчески.

– Знаешь, с каким опытом я живу с сегодняшнего утра? – улыбнулась Лара. – Навязчивые идеи надо давить в зародыше. Пока не захлопнулась мышеловка. Жить на Сретенке – это была моя навязчивая идея.

– Обалденный опыт, – восхитился Толя. – Как философ философа я тебя понимаю. И сразу представил, как жена моей мечты, прокрутив мясо в мясорубке, насыпает туда…

– Прекрати! Мы сидим, пьем, чтобы отвлечься, а не наоборот. Кстати, я не хотела обломать твою идею. Она вполне безобидная и осуществимая. Очень многие женщины с удовольствием будут готовить тебе. Я даже знаю таких: работаю психологом в клинике пластической хирургии.

– Не! – решительно заявил Толя. – Ботокс и силикон не пойдет. Будем искать. Где-нибудь в деревне, у березок… А ты здорово смотрелась бы на фоне березы. Русая, с косой, глаза… Коса своя?

– Да. Не могу с ней расстаться. Привыкла.

– Отлично. Я вообще-то художник в рекламной фирме. Могу сделать деловое предложение.

– Спасибо, нет. Я не буду висеть на растяжке с караваем в руках.

– Жалко. Так я пошел за котлетами к Нине.

Он вышел из комнаты, а Лара откинулась на спинку кресла и вздохнула глубоко и облегченно. На нее алкоголь обычно не действовал, но сейчас он растопил тяжесть в груди, развеял плохие мысли. Вовремя он пришел, этот симпатичный сосед, который к тому же не собирается на ней жениться. Она терпеть не может сексуально озабоченных. У него хорошая фигура, серые глаза, короткий ежик то ли светлых, то ли седых волос. Хотя ему немногим больше тридцати по всему. Ларе нравилась ранняя седина у мужчин. Ей казалось это признаком породы. Толя похож на англичанина. Ему бы пошел старинный замок, о котором говорила мама. Смешно. Лара уехала из страны породистых британцев и старинных замков, чтобы поселиться в этой коммуналке. А как здесь оказался Толя? Почему один? Она вдруг подумала о соседке Марине. Она тоже приятная. И возраст примерно такой же. Живут в одной квартире. Интересно: между ними ничего нет? Она слышала, как Толя разговаривает с Ниной Георгиевной, потом голоса зазвучали дальше, на кухне, потом она почувствовала запах разогреваемых котлет… Свернулась в клубочек и как-то мгновенно, легко уснула.

Глава 8

Сергей с Олежкой трудились. Отрабатывали удар правой ногой по яркой спортивной груше.

– Извини, Сережа, – сказала Настя, наблюдая за этим процессом уже полчаса. – Ты не мог бы мне объяснить, зачем четырехлетнему ребенку нужен удар правой ногой? Я в этом вижу только опасность, что он ее сломает.

– Объясняем маме, сынок, – с готовностью повернулся Сергей. – У Олежки, как нам всем троим известно, две руки и две ноги. Мы каждый день отрабатываем по очереди – удар правой рукой, левой, правой ногой, левой. Во-первых, я показываю, как это делать правильно, чтобы не сломать. Во-вторых, он не собирается драться сейчас, в свои четыре года. Мы просто готовимся… ну, к жизни, что ли. Не знаю, как это сформулировать.

– То есть, по-твоему, наш сын должен бить кого-то ногами?

– Ни в коем случае! Посмотри на это ангелоподобное существо. Мама говорит, я был точно таким же в его возрасте. Он всех любит, ему все нравятся, он всем доверяет. Поэтому мне хочется, чтобы на всякий случай он умел хорошо себя защищать. Для того, чтобы это было просто, изящно и органично, мы и начали тренировки. Наш противник – эта груша. Олежек, у тебя есть другие враги?

– Да! – радостно ответил Олежка. – Будильник, спать днем и когда ты уходишь. Три врага.

– Вот видишь, – улыбнулся Сергей жене. – Все в порядке?

– Да, конечно, – ответила она, погладила сына по голове, потом подняла его на руки. – Знаешь, Сережа, я стою тут, смотрю на него и ужасно по нему скучаю. А когда ты говоришь про будущую жизнь, про всякие случаи… Короче, я уношу его умывать и кормить.

– Он очень неплохо работает ногами, – заметил Сергей. – Но если тебе нравится, носи его на руках. Как говорил не помню кто: если каждый день поднимать теленка, поднимешь и корову.

– Да, теленок, котенок, зверенок, – целовала Настя ребенка. Тот жмурился от удовольствия.

От мелодии телефона Сергея, звук которого был включен на максимум, все вздрогнули.

– Черт, я боялся, что не услышу, поэтому врубил громкую связь. Да. Кольцов слушает.

– Добрый день. Это говорит Лариса Корнилова, вы были у нас в квартире в Печатниковом переулке, когда умерла моя соседка.

– Я понял. Что-то еще случилось?

– Какой-то ужас. В общем, одна сумасшедшая соседка вызвала того сумасшедшего участкового, он пришел с группой захвата, и они увели моего соседа Толю. В наручниках!

– Что предшествовало такому повороту?

– Толя заметил, как эта соседка вошла в комнату Валентины, которая была опечатана. Отлепила бумажку, что-то там искала. Он сделал ей замечание, она вызвала полицию, кричала, что мы пьем, хулиганим, хотим ее убить. Они ворвались в мою комнату, стали говорить гадости, ну, и…

– Что сделал Толя?

– Он ударил участкового. Они ему пистолетами угрожали, схватили…

– Картина ясна. Как фамилия соседа?

– Васильев.

– Ждите. Я приеду. Сначала в опорный пункт за Васильевым.

Настя вздохнула, опустила ребенка на пол.

– Олежек, сходи сам умойся. Я папу провожу. Сережа, и зачем ей все это понадобилось, тебе понятно? Криминальная коммуналка, такие проблемы.

– Понимаешь, эта Лара производит впечатление очень последовательного человека, который делает все по плану. То, что в квартире произошло, возможно, убийство, не говорит о том, что она криминальная. Если экспертиза покажет отравление, значит, кто-то один – убийца, но он может не жить в квартире. Соседка могла принять яд вместо лекарства перед тем, как поесть торта, или после, яд могли принести накануне, к примеру. Эта Лариса просто попала. Но она не считает, что нужно уступать обстоятельствам. И вместо того, чтобы поехать к родителям и там отсидеться, а потом продать к такой-то матери эту комнату, она продолжает осуществлять свой план. И получает все сюрпризы по полной программе. Этот участковый – такая творческая личность, что может завести дело о хулиганстве. Я понял, что Лариса сидела с соседом Васильевым в своей комнате и там было спиртное. Ну, и сосед сделал с участковым то, что Олежка с грушей.

– План-то ее в чем?

– Жить на Сретенке, ешкин кот! Отец сказал, что они с детства не могли вытеснить эту странную идею из ее головы. Лариса из Англии уехала, замуж там за кого-то не вышла… И стоит на своем. Догадываюсь, кто шарил в комнате покойницы. Это интересный момент.

– Я поняла, – сказала Настя. – И, знаешь, раз так, считаю, что Корнилова не должна уступать. Но помочь ей можешь только ты. Я покормлю Олежку и посмотрю в Интернете, что это за сосед. Анатолий Васильев. Адрес я еще в прошлый раз записала. Возможно, он известный хулиган, пьяница, и вам не стоит ввязываться в эту историю. Странно, что они сразу после смерти соседки, только познакомившись, стали вместе выпивать, а потом Лариса решила его спасать…

– Ты всех Анатолиев Васильевых к моему приходу изучишь? – деловито спросил Сергей, думая о чем-то своем.

– Сережа! Эй! Когда люди слишком увлекаются спортом, они забывают о мозгах. Не хочу тебя обидеть, но все жильцы квартиры у тебя в списке, а я всегда дублирую у себя то, что мне интересно. У Васильева есть фото, адрес, домашний и мобильный телефоны, найдется место работы. Его долго искать не надо. Он такой один.

– Наверное, работа с грушей действительно тупит, – вздохнул Сергей. – Я не знал, что тебе это дело интересно, что ты информацию к себе перегнала.

– На всякий случай. Я тебя не обидела? Просто недавно объясняла соседке, что легче потеряться для всех в одном подъезде, чем в Интернете. Она попросила меня посмотреть ее новые фото на страничке в ЖЖ, я набрала и ахнула. Ну, скажем так, она там не совсем одета и назначает кому-то свидание. У нее муж ревнивый! Я говорю: «Катя, ты понимаешь, что если тебя захочет найти человек, который живет в Африке, он это сделает легко. Он увидит и прочитает!»

– А она что?

– Обрадовалась! Говорит, у нее уже есть поклонники из Пакистана, Индии и Казахстана. Сережа, ты иногда с ее мужем разговариваешь. Ты не проговоришься?

– Кириллу? За кого ты меня принимаешь? А она пусть шарит по всему миру. Муж в сетях не сидит. У него телевизор под пиво. Вот что толкает женщин на измену.

– Я ничего тебе ни про какие измены не говорила. Может, она ни с кем и не встречалась. Просто флиртует, как многие. Скучно ей смотреть телевизор под пиво. Ладно, иди. Позвоню, если появится информация или мысль.

– Умница! – прижал ее к себе Сергей. – Это верно. Мне твоя мысль пригодится в любом случае. Ты сказала, что смотришь на Олежку и скучаешь по нему, а я смотрю на тебя пятый год и скучаю. И так неохота тащиться в эту коммуналку… Понимаешь, там столько разных людей, каждый со своим приветом, и эти приветы просто порхают по замкнутому пространству. И участковый как венец всего этого бреда. Я люблю тебя.

– И я, – шепнула Настя. – Приезжай быстрее.

– Проще всего сказать: «И я», – заметил Сергей. – Ты никогда не говоришь первая: «Я люблю тебя».

– Серьезно? Ты просто не слышишь.

Сергей пошел собираться. Думал он о том, что Земцову его новые клиенты могут окончательно разонравиться.

Глава 9

Голос Коли Нискина был слышен в коридоре. Он вдохновенно орал.

– Все, Васильев! Считай, ты доигрался! Нападение на представителя власти – раз! Нарушение общественного порядка – два! Пьянка – три! И то, что ты эту жиличку раньше знал, – четыре! Я сразу понял, что она не просто так там появилась. Торт, ты вокруг нее крутишься… Сообщники вы! И правду Зинка сказала, что это ты на самом деле в комнату Валентины хотел влезть, а она тебе пыталась помешать.

– Придурок, – раздался спокойный голос Анатолия.

Сергей стоял на пороге и смотрел, как один из оперативников бьет Васильева кулаком в лицо, а второй держит руки задержанного за спинкой стула. Несмотря на то, что они в наручниках.

– Приветствую вас, господа, – других не вижу здесь, – произнес Сергей. – Нискин, вы меня узнаете? Я Кольцов, расследую причины смерти Валентины Сидоровой в составе группы следователя Земцова.

– Узнаю, – ответил Коля. – А в чем дело?

– Хорошо считаете. Один, два, три, четыре. Это плюс. А вот произвол с задержанием, наручниками и побоями – это большой минус.

– Это мы наносим побои??? Ты подойди, посмотри на меня, подойди!

– Можно на «ты»? Без брудершафта? Рад. Целоваться с мужчинами не люблю. Так. Подошел. Что именно ты предлагаешь мне увидеть?

– Ничего себе, – выдохнул Коля. – А под глазом!

– Под каким?

– Вот этим! – Коля чуть не воткнул себе палец в правый глаз.

Сергей осматривал его с видом клинициста на обходе.

– Так. Глаз в порядке, в смысле – не поврежден. Красноватый белок, правда, но такой же и в левом глазу. Пока у нас не возник спор, не прошу дохнуть. А вот скула под правым глазом действительно отличается по цвету от другой. Фингал есть. Его происхождение можем обсудить, конечно. Вот только… – Сергей подошел к Анатолию. – Вот только кровоподтеки на лице у Васильева и челюсть, которая, возможно, была выбита на моих глазах, тоже будут предметом обсуждения. Васильев, у вас нет, случайно, выбитых зубов? Это вещественное доказательство, можно рассчитывать на приличную компенсацию. Стоматология дорожает.

– Ты пришел нам угрожать? – храбро спросил Коля.

– Мы не будем играть в детский сад, мой маленький дружок, – нежно сказал Сергей. – Вы схватили и избили человека в его квартире, и я слышал, как ты вешал на него, скорее всего, ложные обвинения. Я этого человека вижу второй раз в жизни. Но он – важный свидетель по делу странной смерти Валентины Сидоровой. По первым и поверхностным показаниям соседей у тебя, Нискин, были неформальные финансовые отношения с покойной. Закрывать свидетелей вот так просто – не получится. И если мы пойдем по пути теории заговора, то та единственная соседка, у которой был ключ от комнаты покойной, и она, конечно же, им воспользовалась зачем-то, могла быть с тобой в сговоре. И ты весьма оперативно явился, сразу с ребятами и наручниками… Я это пока в порядке бреда. Но тут мотив и сговор разве трудно предположить?

– Ты че… – опешил Нискин. – Да вы все там…

– Мы все! – отчеканил Сергей. – Мы все боремся за чистоту правоохранительных органов. Вчера как раз читал призыв к гражданам – сообщать о случаях произвола по телефонам доверия. Так что, Васильев, можешь считать, что этот телефон к тебе сам пришел.

Сергей вернулся к столу Нискина, сделал жест фокусника, и в его руке оказалась полупустая бутылки водки.

– Ты мог ее разлить, – укоризненно сказал он Коле. – Поставил прямо на пол, сучишь ногами. Ты не поверишь, я взял ее не глядя. В таких ситуациях бутылку, как правило, держат под столом между ног.

– Ребята, – скорбно велел Коля подчиненным. – Снимите с этого наручники. И пусть они идут в ж…, эти двое. Заговор он мне шьет. Ничего, мы тоже найдем че сказать по телефону доверия. Читал я эту хрень. На дураков рассчитано. Свободен, Васильев.

Коля смял лежавший перед ним протокол и бросил в корзину. Он был потрясен и огорчен. Он делал все по правилам! Пришел на вызов, схватил хулигана, провел следствие… Ну, провел бы, если бы этот пижон не явился.

Сергей с Анатолием вышли из отделения, когда позвонила Настя.

– Сережа, Васильев – художник-оформитель, работает в известной рекламной фирме, представлен на ее сайте. Там он более красивый, чем у тебя. У тебя, наверное, фото на паспорт. А тут он такой эффектный.

– Сейчас уже не очень, – сказал Сергей. – Я так и не выяснил, все ли зубы у него на месте. Но я веду его к свободе, к родной коммуналке, где его радостно встретят совладельцы мест общего пользования. Спасибо за информацию, поскольку мне уже все жильцы «нехорошей» квартиры кажутся подозрительными. Даже моя клиентка. Что меня очень сближает с участковым, хотя он об этом не догадывается.

Сергей открыл Анатолию дверь своей машины, сел сам, они молча покурили.

– Вот на хрена, – задумчиво произнес Кольцов. – На хрена устраивать застолье с выпивкой среди бела дня в квартире, где живет стукачка… В день, когда в этой хате, возможно, произошло убийство и вы все подозреваемые.

– А дышать нам можно? – окрысился Анатолий. – Мы там живем!

– Почему ты там живешь? Давно?

– Я там родился. Родители переехали за город. Я женился, влез в ипотеку, купил квартиру, развелся, оставил жене жилье – и вернулся к разбитому корыту. И почему я в нем не могу посидеть с новой соседкой?

– Не обижайся, Толя, но я спрошу. Вы действительно познакомились только сегодня? Ты как-то нежно коснулся ее руки, когда уходил на работу. И вдруг оказалось, что ты с работы ушел…

– А вот не скажу. – Толя погасил сигарету, откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. – Мне нравится, когда вы играете в сыщиков-разбойников. Даже Нискин тряхнул своей чахлой извилиной, что произвело на тебя большое впечатление, как я вижу. Ты рассказывай, как мы с Ларой скрывали свою преступную связь, как грохнули Вальку, как цинично пьянствовали на месте преступления… А я немного вздремну, ладно? Зубы на месте, тебя ведь это интересовало. А вот сотрясение мозга, мне кажется, есть.

– Спи, довезу тебя домой. Крепкий ты парень. И благодарный, этого у тебя не отнять.

– Я заплачу, – не открывая глаз, сонно сказал Анатолий.

– Отлично, – кивнул Сергей. – Я, конечно, потому и бросил семью, дела, что на бабки рассчитывал. Ты, помнится, отдавая нам ключ, что-то говорил о сбережениях, которые держишь в банке. Не надо было мне так спешить. От отбивной, в которую тебя могли превратить, я получил бы больше.

– Обиделся, что ли? – Толя с трудом приоткрыл глаза. – Ну, я могу сказать – спасибо…

– А я могу отдать это спасибо тебе взад. Моя жена по телефону сообщила, что ты – интеллигентный человек, художник и эффектный. На сайте фирмы почерпнула. Корнилова, красивая девушка, получившая образование в Англии, с тобой выпивала. Женщины – загадочные существа, что и делает их жертвами. Потому что мы отнюдь не загадочные существа. Так что

дрыхни. У тебя есть минут десять. А я, пожалуй, подумаю о тебе. Единственный мужчина в этой коммуналке, если не считать умственно отсталого сына стукачки. Неустроенная жизнь, большие понты, никого в грош не ставишь, родился в квартире, которая для одного может быть прекрасным вариантом…

– Давай, я это люблю, – пробормотал Толя. – Мне мама всегда на ночь сказки рассказывала.

Глава 10

Они все стояли в прихожей, как родственники. Зинка с колючим и перепуганным взглядом глубоко посаженных глаз, ее сын с открытым ртом, Нина Георгиевна, прижавшая в волнении к груди руки, и Лара, которая улыбнулась и благодарно кивнула Сергею, а затем внимательно посмотрела на сильно изменившееся лицо своего соседа. Все молчали. Сергей наслаждался паузой, как в театре.

– Толя, – не выдержала первой Нина Георгиевна. – Я вызываю «Скорую». У тебя же что-то сломано, мне кажется. Скуловая кость или челюсть. Что с тобой делали? Нужно заявить в полицию!

– Нина, – с нервным смешком сказала Лара. – Он оттуда прибыл. Толя, может, на самом деле кого-то вызвать?

– Кончайте причитать, – мрачно велел Васильев. – Меня не первый раз бьют по морде. Она так просто не развалится. Умоюсь холодной водой и спать лягу. А ты, Зина…

– А что я? – Зина попятилась, сын взял ее за руку, и они стали удаляться в направлении своей комнаты. – Я должна все терпеть? Ты на меня наки… Пошел, пошел, – замахала она перед собой руками, хотя Толя всего лишь сделал шаг вперед.

– Иди, действительно, Зина, – распорядилась Лара. – Повторения этого ужаса не будет. Тем более, с нами частный детектив.

Зина с Леней исчезли за дверью и закрыли ее на ключ изнутри. Нина Георгиевна пошла на кухню пить сердечные капли. В это время входная дверь открылась, и в прихожую вошла Марина.

– Привет, – радостно сказала она, глядя в основном на Сергея. – Какая интересная компания. Не меня ли вы ждете? Ой, Толя, что это с тобой?

– А как ты думаешь, Марина?

– Один друг моего бывшего мужа говорил в подобных случаях: «У меня земляная болезнь. Иду себе спокойно, – и вдруг перед носом земля».

– Тебе кажется, это остроумно?

– Мне кажется, ты тоже немножко выпил.

– Ладно, спасибо за внимание, – сказал Толя. – Я пошел поправлять здоровье и спать. Лара, в бутылке еще что-нибудь осталось? Мне нужен глоток как снотворное и болеутоляющее.

– Наверное, – пожала плечами Лара. – Я не смотрела. Но и не убирала.

– Очень рад, что ты верна себе. Так мне можно к тебе? Серега, я завтра тебя обязательно найду.

– Ищи, – меланхолично произнес Сергей.

Толя и Лара вошли в ее комнату, а Марина с расширившимися от удивления глазами повернулась к Сергею.

– Я что-то пропустила? Почему Анатолий держит бутылку в комнате новой соседки и что у него с мордой лица на самом-то деле?

– Длинная история, – пожал плечами Сергей. – Устал я с ними. У вас тут не соскучишься, и мне надо передохнуть перед очередным сюрпризом.

– Поняла. У меня предложение. Отдохните в моей комнате, раз нас настолько по-хамски бросили. У меня, кстати, есть и коньяк неплохой, и красное вино. Пошли?

– Почему нет, – согласился Сергей. – Мне тоже показалось, что с нами поступили несправедливо. Особенно со мной. Помочь вам снять шубу?

– Нет, что вы. Я не оставляю норку в прихожей. Будем считать, что это предрассудок. Мне кажется, Зинкин Леня может в нее высморкаться.

– Хичкок! – восхитился Сергей. – Тогда и я пойду к вам в куртке.

Они вошли в комнату Марины, уютную, но явно не замученную уборкой. Женские вещи, журналы, посуда, – все разбросано в живописном беспорядке. Марина аккуратно повесила шубу на плечики в шкаф, сняла сапоги на шпильке, тоже заботливо их осмотрела и поставила у стены. Сергей просто бросил куртку на спинку дивана и сел. Марина достала действительно очень хороший коньяк, бокалы, поставила блюдечко с солеными орешками. Села рядом.

– Еды не держу. Склонность к полноте, как видишь.

– По-моему, все отлично. А есть я и не хочу. Отлично – это я по поводу фигуры. Можно не волноваться. Мы на «ты»?

– Выпьем на брудершафт, будем официально на «ты», – кокетливо предложила Марина.

Сергей разлил коньяк, они подняли бокалы, он коснулся губами щеки Марины, почувствовал запах дорогих, но слишком сладких духов, заметил, что ее черные волосы – густые и жесткие. То ли химия, то ли такой лак… Он откинулся на спинку дивана.

– Не понял, у тебя есть или был муж?

– А как же. У меня все как полагается. Муж объелся груш. Нет, это я так. На самом деле мой муж вполне себе бизнесмен, живет в большущем особняке на Новой Риге. Мы даже не развелись. Просто вместе не живем.

– Почему ему особняк, а тебе коммуналка?

– Это комната покойной тети, она мне досталась по наследству. Я – не москвичка. Из Нижнего. Мне здесь нравится, удобно. Моя фирма недалеко. Но муж мне купил и квартиру, большую и дорогую. Просто там уже два года идет супер-пупер ремонт. Почти закончили, пора съездить принять работу. Можем вместе. Хочешь?

– В принципе – мне интересно. А зачем такой безумный ремонт? Чтобы продать подороже?

– Я не собираюсь ее продавать. Ты что! И сдавать пока не собираюсь. Мне хватает. Я просто развожу своего благоверного на бабки. Пусть ему мое отсутствие обойдется как можно дороже. Закончится ремонт, я еще что-нибудь придумаю. Он пока не может со мной развестись. На меня кое-что записано. Ну, ты понял.

– Как мило все, по-домашнему. Я видел ваши фамилии. Ты Демидова по мужу?

– Нет, оставила девичью фамилию. Ты не поверишь, но муж у меня Романов!

– Слушай, ничего, что я сижу? А я думал, что пролетарская революция смела вашу белую кость…

– Сиди. Давай за это выпьем. С фамилиями, конечно, прикольно у нас вышло, но муж мой – козел, хоть и Романов, почему я с ним и не живу. Тебе что налить?

– Нет, спасибо, мне пора. Сын ждет, малыш совсем. Ждать не умет.

– Но у него же есть мама?

– Да. И если я еще выпью, то начну рассказывать про ее красоту. Я так всегда поступаю, и это никому не нравится.

– На самом деле красивая?

– Ну, так получилось. У тебя – Романов. У меня – красавица. Мы еще поболтаем обо всем. Я пойду. Надо попрощаться с вашей новой соседкой, она меня и вызвала, чтобы вырвать из рук стражей порядка Анатолия.

– Вот кто его. Ну, знаешь, он всегда нарывается.

– Охотно верю. До встречи.

Сергей вышел из комнаты Марины, постучал к Ларе, ему не открыли, он сам вошел. Лара стояла спиной к нему у окна. А на ее кровати, раскинувшись по диагонали, похрапывал Толя.

– Я стучал, – негромко сказал Сергей.

– Извините, – повернулась Лара, – я не слышала. Он храпит. – Она посмотрела почти жалобно. – Что мне делать? Он допил виски, я ему еще таблетки дала: болеутоляющую и антисептик, и его развезло.

– Мне, конечно, не стоит этого делать, поскольку люди быстро привыкают к самой экзотической обслуге. Но я оттащу этого борца за свободу в его комнату, пусть храпит там. А вы потом все же закройтесь на ночь изнутри. Он без комплексов, мне показалось. А вы сразу стали с ним выпивать.

– Он пришел… Я обрадовалась даже. Мне было тут тоскливо. А потом эта Зинка… Он ее на самом деле застукал, когда она в комнате Валентины Николаевны шарила. И началось!

– Может, вас отвезти к родителям?

– Нет. Сегодня надо провести ночь здесь. И утром все станет яснее. Сергей, я хотела бы с вами подписать договор. Чтобы вы участвовали в расследовании. Мне нечего бояться, конечно, но мне здесь жить, и я люблю ясность и порядок.

– Понял. Но завтра может оказаться, что эксперт обнаружил естественную причину смерти вашей соседки. И никакого расследования не будет.

– Но сегодня вы так помогли…

– Да ладно. Пообщался в клубе по интересам. Сделал вывод, что скучать вы здесь не будете в любом случае.

Сергей поднял Анатолия и потащил его к выходу.

– Я надеялся, что он легче.

– Пошел ты, – сказал во сне Толя тому, кто ему снился.

Глава 11

Петр Романов, полноватый, крепко сбитый мужчина с круглым лицом, на котором сияла добродушная самоуверенность, стоял посреди помпезной спальни в синих трикотажных трусах и босиком. Он зевал, потягивался, почесывал крупными руками широкую волосатую грудь и видел свое отражение в отполированном до зеркального блеска полу из ценного камня, под которым был проложен обогревающий кабель, в огромном количестве золотых и просто блестящих поверхностей на стенах и даже в стекле и серебряных рамах полотен – подлинников. Его жизнелюбие требовало именно такого веселого и безбрежно богатого интерьера. Темные и тусклые тона вгоняли его в тоску, тоска будила воспоминания, воспоминания неизбежно приводили в тупик, и вся эта цепочка была ему не нужна. Он хотел жить каждую минуту при ярком свете, он это право отвоевал, он его купил. Все проблемы решаемы… Когда-нибудь в свое время.

– Ты уже встал? – раздался хриплый со сна женский голос.

Петр повернулся и посмотрел на огромную кровать, где среди подушек в наволочках из золотистого шелка с ручной вышивкой торчала светлая растрепанная голова. Он улыбнулся и подошел ближе.

– Рита, – мягко сказал он. – Сейчас одиннадцать часов. Лично я уже давно хочу есть.

– Только есть? – игриво спросила Рита, стягивая вниз с большой голой груди сверкающую простыню.

Петр подошел к тумбочке, на которой стояло большое зеркало, разумеется, в позолоченной оправе, и повернул его к ней.

– Во-первых, мне обязательно нужно позавтракать. Во-вторых… Рита, ну сколько раз тебе говорили хирург и косметолог, что нельзя спать лицом вниз. Твое лицо обошлось мне дороже, чем новая яхта. Посмотри в зеркало: на что это похоже?

– Ну что опять не так? – капризно заныла женщина. – Все такие со сна.

– Не все, – авторитетно заявил Петр. – Можешь мне поверить. Ты похожа на мятую подушку, хотя именно подушки у меня никогда не бывают мятыми.

Рита поднялась, внимательно посмотрела на себя в зеркало. Потом взяла его в руки и пристально стала разглядывать детали. Ее одутловатое лицо с утонувшими в щеках глазами вдруг просияло. Она улыбнулась широкой голливудской улыбкой, глядя на крупные, упругие губы подозрительно правильной формы и идеальные зубы.

– Петь, ну, скажи честно. Я уже поняла, что ты не любишь делать комплименты. Но губы мои тебе нравятся? Ну, пожалуйста. Ничего губешки?

– Хороши, – сказал Петя, как прораб на стройке. – С пятого раза получилось. Тем более надо их беречь. Как говорится, смолоду. Хотя тебе, Рита, четвертый десяток, это так, между прочим. Должен уже появиться опыт.

– Какой ты сегодня нудный, – капризно надув губы, протянула Рита. – А я ночью проснулась, смотрела на тебя и – ты не поверишь – стихи сочинила. Ну, подойди на минуточку, я только две строчки прочитаю, остальные уже забыла.

Петр послушно сел рядом на кровати, Рита мгновенно схватила его руку и положила себе на грудь.

– Я хочу тебе дать, что ты просишь в бреду, – с придыханием начала она. – На полу, на постели, а может, в плену…

– Елки… – произнес Петр. – Это ты сама сочинила?

Он расхохотался так, что Рита увидела его небо. Ее это не смутило, она продолжали ласкать себя его руками.

– Ну, дай, – оборвал он смех и навалился на нее.

Через полчаса они завтракали в огромной, сверкающей избыточными деталями кухне, пили кофе. Она спросила:

– Почитать тебе еще стихи? Я вообще-то давно сочиняю.

– Не надо сейчас, – спокойно ответил он. – Я уже думаю о делах.

Раздался звонок его айфона, который всегда был с ним. Петр какое-то время смотрел на дисплей, потом сбросил звонок. Рита посмотрела на него исподлобья, на ее лбу появились две глубокие морщины.

– Петя, извини, можно спросить?

– Что?

– Чьи звонки ты всегда сбрасываешь? Это не жена, я посмотрела. Жену зовут Марина, и ты отвечаешь на ее звонки. Ты не отвечаешь, когда звонит «она». У тебя так в контактах и значится – «она». Кто это? Почему у нее нет имени?

– Какого черта! – добродушное приятное лицо вдруг стало почти страшным. Глаза бешеные, зубы оскалены, челюсть выдвинута вперед. – Какого черта ты лезешь в мой телефон, слушай, ты, тупая корова! Запомни раз и навсегда: если я с тобой сплю, это значит одно: сегодня я с тобой сплю. И ничего другого из этого не вытекает.

– Что ты говоришь, – у Риты задрожал подбородок. – Ты обещал, что, когда разведешься с женой, то… Я не помню точно, что ты говорил, но мы живем вместе два года. Ты развелся. И если на то пошло, ты не просто со мной спишь. Мы работаем вместе. Ну, так же считается, да? Я все дела твои знаю. Со мной, как с половой тряпкой, не выйдет…

Она вдруг перевела взгляд на его руки, сжавшиеся в огромные кулаки, и жалобно сказала:

– Ой, Петя. Я не хотела. Я нечаянно увидела, что ты сбрасываешь постоянно звонки. Что там написано «она». Не хочешь, – не говори.

– Ладно, – справился он с собой. – Ерунда. Одна телка. Не хочу пока блокировать или меры принимать. Это скоро кончится.

Глава 12

Толя Васильев сидел за компьютером и пытался работать. Требовалось срочно выполнить один приличный заказ, но настроение было на нуле, и он набрал фоток известных деятелей, подфотошопил их и стал делать фотожабы, придумывая смешные надписи. Это помогло. Он себя развеселил. Потом выложил «портреты» в соцсетях, получил множество комплиментов и идей того же толка.

– Хорошо, – сказал за его спиной, глядя на монитор, начальник Никита Строев, сухощавый парень в очках. – Смешно, – добавил он без улыбки, потому что не улыбался никогда. Но всегда знал, что смешно, а что – нет: у него имелось чувство юмора. – Мне вот интересно: что тебя, способного и хорошо оплачиваемого сотрудника, заставляет убивать время на бесплатную работу. Ты же всегда считаешь, что тебе мало заплатили, что ты стоишь больше. А тут разгул фантазии и реальных возможностей – просто так, чтобы приколоться.

– В таких случаях, – лениво и насмешливо ответил Толя, – говорят: «Тебе не понять. Ты не любил».

– А, – серьезно сказал Никита. – Я все же понял, что у тебя сегодня – день не работы, а любви. Я сейчас выходил из машины и видел, как у нас во дворе парковалась твоя жена. Надеюсь, ты рад, она скоро войдет.

– Моя бывшая жена? – изумился Толя. – Надька? А какого черта?

– Извини, этот вопрос я не прояснил. Я даже не знал, что она – бывшая. Я в такие вещи не вникаю. Видел ее у нас пару раз. Узнал. Она меня, кажется, нет. Так что я тебя покидаю. Мой совет: не трать на нее много времени, раз бывшая. У тебя конь не валялся с заказом. А мы должны сдать его до Нового года.

– Надо брать предоплату, – проворчал Толя. – Это стимул. Призыв: «Утром стулья, вечером деньги», – на меня не действует.

– Опоздаешь, – спокойно сказал Никита, – останешься с никому не нужными стульями и без денег на праздник. Между нами, заметно, что ты вчера его неудачно начал отмечать.

– Сказал! – воскликнул Толя. – А мог бы промолчать. Как интеллигент.

– Не хотел обидеть. Вот к тебе и пришли. Не буду вам мешать.

Он вышел, даже не пытаясь поздороваться с высокой женщиной в норковой длинной шубе, которая решительными шагами двигалась к Анатолию от порога, не глядя на Никиту. Надежда была очень эффектна. Фигура модели, шикарные, броские вещи, яркие крупные украшения, профессиональный макияж. Ее лицо было тоже идеальным для модели. Небольшое, с выступающими скуловыми и челюстными костями, как будто кожа стянута сзади. Глубокие глазные впадины, глаза, которые можно сделать на фото любой величины. Губы, которые без труда можно нарисовать и полными, и тонкими. Она и была моделью. Так они познакомились. Он ее снимал, рисовал, делал с ней рекламные ролики. Женился. Понял, что любви ни на грош. Ни у него, ни у нее. Уродовать фигуру беременностью она не собиралась. То есть то, что ему казалось нормальной семьей, им не грозило. А ему надоели ее просьбы выводить ее каждый вечер в свет, как скаковую лошадь. Он не переваривал то, что она считала «светом». И опротивело привозить вечером шикарную женщину, а просыпаться утром с грудой костей, обтянутых кожей, всегда липкой от крема. Квартиру он оставил ей без малейшего сожаления и считал, что еще легко отделался. Они не виделись давно, но время от времени она звонила, если ей нужны были деньги.

– Сколько? – спросил он, не здороваясь. – Это я так, любопытства ради. У меня нет нисколько, и узнать это ты могла по телефону.

– Нет так нет, – низким, хрипловатым голосом сказала Надя. Когда-то ее необычный голос и свел его с ума, к сожалению или счастью, на недолгое время.

Она села на стул, распахнув полы шубы и вытянув длинные ноги, едва прикрытые клетчатой юбкой в складку. Толя отметил, что даже эта маленькая, как для ребенка, юбка на Наде смотрится стильно.

– Ты пришла на меня посмотреть? – рассмеялся он.

– Почему нет. Мы давно не виделись. Ты никогда не позвонишь, ничего не расскажешь. А у вас там такое событие.

– Ты о чем?

– Ну, Валентина-то ваша померла. Чуть ли не убили ее. Так убили или нет?

– Знаешь, – Толя смотрел на бывшую жену с удивлением, – мне как-то все равно. В смысле – пусть бы жила, конечно, но раз ее нет, то какая теперь разница. А вот тебя почему это волнует, не пойму? И откуда ты узнала?

– Просто интересно, – пожала плечами Надя. – Я узнала от Валеры, внука Валентины. Мы встречаемся.

– Так… Вот это с тобой и случилось. Я часто думаю, что творится в голове у баб, которые вешаются на шею мальчишкам вдвое моложе себя? Это что-то из области психиатрии?

– Какой ты хам. Валера моложе меня всего на десять лет. Это не вдвое. Все говорят, что мы выглядим, как ровесники.

– И давно вы вместе… выглядите?

– Не очень. Помнишь, я заехала к тебе в твой день рождения. Вся ваша коммуналка была в сборе. Он взял у меня телефон. Потом мы встретились… В общем, это наше дело, понял?

– Трудно, что ли. Я просто поддерживаю разговор, поскольку мне не ясна цель твоего визита.

– Слушай, а ты не хочешь купить комнату Валентины? У Валеры есть знакомые, можно даже раньше чем через полгода все оформить. Ты две комнаты в центре легко меняешь на однушку где хочешь или даже на двушку на окраине, а нам тоже меньше мороки. С этими сделками можно так зависнуть. Там цепочки всякие, а тут – напрямую.

– Надя, как здоровье? На слух не жалуешься? У меня нет денег! Это – один вопрос. Я ничего не хочу менять – второй. А самый большой вопрос – с какой стати я должен вам помогать? Я не стал при разводе делить свою квартиру, влез в кабалу. Не дай бог, приведу на отдельную жилплощадь другую модель, останусь бомжом. Тут как-никак коллектив за спиной.

Надя хмыкнула и пристально на него уставилась.

– Да, мне сказали, что как раз в этом коллективе у вас появилась какая-то бабенка. Вроде она Валентину и отравила. А ты к ней клеишься? Не из-за нее морда побитая? Слушай, Толя, я тебе не враг. Вали ты из этой бандитской хазы. Насчет жилья, которое ты мне оставил, мы вместе решили. А то как бы тебе не пришлось вслед за Валентиной, раз такой расклад… Валера говорит, там дело темное.

– Я куплю сегодня тетрадь в клеточку и начну записывать мудрые мысли Валеры. Надя, я все сказал. Мне надо работать. Шеф велел.

– Но я к тебе пришла как к близкому человеку…

– Да что ты говоришь! Получается, теперь мы с Валькиным внуком типа родственники? По твоей линии?

– Идиот!

– Честь имею. Вали.

Надежда порывисто встала, пошла к выходу, но у двери обернулась.

– Толя, подумай. Очень серьезно подумай обо всем, что я сказала. Такие предложения делают не каждый день. И о том, что там дело завели, подумай. Оно тебе надо?

– Завели, – задумчиво сказал Толя. – А знаешь, что я как-то вычитал в одном детективе? Когда речь идет об убийстве из-за квартиры, комнаты, дачи, то убийцу надо искать в близком

круге. Среди родственников. А? Что-то вы с Валерой сильно быстро хотите от этой комнаты избавиться. Может, даже меня подставить. Как близкого тебе человека.

Надя испепелила его взглядом, но нашла в себе силы произнести:

– Звони.

Глава 13

Утром Сергею позвонил Слава и сказал:

– Приезжай. Экспертиза готова. И это не все.

Голос Земцова не оставлял сомнений в том, что ситуация паршивая, и он понимает, что предстоит серьезная работа, виновником чего считает Сергея, который ему это дело и подсунул.

В кабинет Земцова Сергей вошел скромный и тихий. Кивнул с порога Славе и Александру Васильевичу, которые разбирались в разложенных на столе бумагах.

– Давай быстрее, – нетерпеливо сказал Слава. – Идешь, как будто жена тебя не кормит.

– Иногда кормит, – сиротливо ответил Сергей, подходя к столу. – Не сегодня.

– Бьешь на жалость? – улыбнулся Александр Васильевич. – Не выйдет. Мы решили запрячь тебя по полной программе. У людей через три дня Новый год. Слава уже многих сотрудников отпустил на несколько дней.

– Почему? – удивился Сергей.

– Потому, – назидательно сказал Земцов, – что у меня работают люди, которым нужно к родителям в деревню съездить, детей куда-то свозить. Праздник у них, понимаешь? Пашут они целый год, как кони.

– Понимаю, – охотно откликнулся Сергей. – Вы тоже поняли, Александр Васильевич? Людей он отпустил. А меня запрячь решил, поскольку все у него должны пахать, как кони. Как все отлажено. У меня тоже есть мама, – задушевно продолжил он, – жена-красавица без единого нормального платья, сын, с которым мы еще не отработали удар левой ногой.

– Бандита растит, – заметил Слава. – Я его, Александр Васильевич, столько раз прикрывал из-за этих ударов ногами… Ладно, как придешь, так треп начинается. Новости две. С какой начать?

– Одна плохая, вторая хорошая?

– Обе плохие, – беспощадно сказал Земцов.

– Слава, – Сергей плюхнулся на диван у стены. – Можешь приступать. Добивай.

– Значит, Валентина Сидорова была отравлена синильной кислотой. Вот экспертиза.

– Торт, кофе?

– Мимо. Она по утрам для здоровья пила настой из зеленых грецких орехов. Как пояснила ее помощница Зинаида Печкина, стаканчик натощак, стаканчик сразу после завтрака. Мы взяли эту бутыль на всякий случай, а там – осталось еще, чтоб полдома уложить.

– Интересно. Значит, Лара ни при чем?

– Твоя клиентка? Ты шутишь? Сидорова пила эту дрянь каждый день не один год. А синильную кислоту туда забабахали в то утро, когда Корнилова явилась с отвлекающими внимание тортом и кофе.

– Слава, ты все же не дави, – заметил Александр Васильевич. – Я определил только причину смерти, вопросов по поводу обстоятельств масса. На них нам вместе придется искать ответы.

– Какая вторая новость? – спросил Сергей.

– Ну, вообще! – воодушевился Земцов. – Нискин, участковый, который вьется вокруг этой квартиры и пытался арестовать соседа твоей клиентки во время распития ими спиртных напитков после убийства, но ты ему помешал это сделать… Так вот этот Нискин, – Слава сделал театральную паузу. – Он в больнице с пробитой головой!

– В сознании? – уточнил Сергей.

– Не знаю. Позвонили из его отделения и сообщили, что он вечером шел домой с работы, а его – монтировкой. Сказали, что ты забрал Васильева, который на него и в квартире нападал, и вообще угрожал. И ты вроде им угрожал и на меня ссылался.

– Милые ребята. Васильев был в наручниках, они его били, прессовали по поводу признания в том, чего он не совершал. В комнату Сидоровой заходила ее помощница по имени Зинка. У нее одной ключ. Свидетели – Лара и еще одна соседка. Ну, и сын этой Зинки. Да, я сказал, что у них не получится запереть нужного нам свидетеля. И теперь ясно, насколько я был прав. Что-то есть в той комнате, что помощница должна была взять, возможно, в сговоре с Нискиным. Как-то быстро он явился. Сразу с группой. Когда ему башку-то проломили?

– Мне позвонили утром, проломили вчера вечером, в двадцать часов.

– В это время я бережно нес спящего Васильева из комнаты Корниловой в его апартаменты. Перед этим сам же его привез из опорного пункта. Он выпил остатки виски, а также таблетки – болеутоляющую и антисептик. Свидетелей полная квартира.

– Квартира такая, – буркнул Земцов, – что там никому верить нельзя.

– Слава, – вмешался Масленников. – Давай все-таки поверим Сергею. Он его нес. Ты его донес в комнату, Сережа?

– Да. Он храпел.

– Ну, вот. Вопрос закрыт, поскольку или мы верим Сергею, или не хотим его запрягать по полной программе, как решили. Может, нападение на участкового вообще не имеет отношения к этому делу?

– Запросто, – сказал Сергей. – Нискин навязчивый, мягко говоря. Только… Мне почему-то кажется, что нападение имеет отношение к делу. Ну, так, чисто интуитивно.

– Ну, раз интуитивно, Сережа, – решительно сказал Земцов, – тогда ты и дуй в больницу, попробуй что-то стоящее вытащить из пострадавшего, из его уже заштопанной, как мне сказали, головы. Пишу телефон врача, это тот же Николай Иванович, к которому Александр Васильевич таскает людей по нашим делам. Узнай информации хоть на грош. Поскольку пока получается так: квартира однозначно криминальная, а в отдельности каждый жилец в белом. Никто ни при чем. Самого подозрительного ты носил на руках.

– Он не самый подозрительный, – возразил Сергей. – Мы не знакомы с родственниками убитой. Ладно, я попробую навестить больного. Куплю ему мандарины.

Глава 14

Лара уснула под утро, перед этим все прокрутив в голове, и, уже засыпая, с горькой иронией подумала, что бабушка сказала бы ей перед переездом: «На новом месте приснись жених невесте». Все так хорошо складывалось, а сейчас ей страшно засыпать, смотреть сны еще страшнее. И все-таки она поплыла в сон, который оказался неожиданно ярким и теплым. Тепло было, несмотря на то, что она шла по заснеженной улице, впереди стояла елка в разноцветных огнях, а ее, Лару, как будто кто-то окликнул сзади. Она не слышала голоса, просто почувствовала. Оглянулась: ее пытается догнать мужчина. Она видит на нем коричневую короткую дубленку, он высокий, а вот лица почему-то не видно совсем. Она остановилась, он по-прежнему старается ее догнать, но расстояние не уменьшается.

Лара проснулась от сильного шума в прихожей. Там что-то двигали. Посмотрела в окно и поняла, что уже позднее утро. Она пожалела, что не смогла досмотреть сон. Этот мужчина ей никого не напомнил. Может, это вообще враг или убийца? Но почему-то в груди по-прежнему тепло. И еще истома в горячем теле. Лара жестко подумала, что у нее просто давно не было близости с мужчиной. И потом она вспомнила эту бабушкину любимую поговорку, вот кто-то несуществующий и приснился. Мысли о мужчинах совершенно неуместны в ее ситуации. С одним она уже дружески посидела. Кончилось это плохо. Потехе час, как говорится. На Толю мужчина из сна был немного похож, но Васильев ходит в куртке с капюшоном, однако не в этом дело. Никакой истомы по отношению к нему она в данный момент не испытывает. Он ничего плохого не сделал, наоборот, выступил за справедливость, но… Быстро у нее опьянел, захрапел, надоел. «Вот поэтому ты и не замужем, – сказала себе Лара. – Все мужчины иногда пьют, говорят глупости и храпят. На то они и мужчины. Спать с ангелом – не есть нормально и вряд ли приятно. Но ты – скрипучая максималистка». Лара потянулась и подумала о том, как жаль, что этот парень ее не догнал. Однако кто это там грохочет?

Она встала, надела длинный, дивной красоты халат – дело было в цвете, который естественно менялся по всей длине: от темно-фиолетового внизу до нежно-нежно голубого на пушистом воротнике-шальке. Это эксклюзивный подарок от одной клиентки, которую она убедила во время нескольких сеансов в том, что она после операции не стала похожа на резиновую куклу, как ей сначала показалось, а сказочно похорошела. Лара очень обрадовалась подарку: ведь собиралась жить в коллективе. Выходить по утрам в туалет, как на праздник. Собиралась – значит, будет. Лара тщательно причесала длинные волосы, стянула их сзади резинкой, протерла лицо тоником. Обычно она это делала после умывания, до крема. Но раз – как на праздник, надо наладить другую систему.

Лара вышла в коридор и остановилась в удивлении. Дверь комнаты Валентины Николаевны была распахнута настежь, какие-то мужчины выносили оттуда тюки и клетчатые сумки, как на рынке. Вещи принимали два человека в форме дворников и тащили из квартиры. В центре коридора, как регулировщик, стояла Зина.

– Что происходит? – спросила у нее Лара.

– Ниче не происходит. Не видишь, люди свои вещи забирают.

– Это родственники Валентины Николаевны?

– А кто ж еще!

– Но ведь пока нельзя. Следствие идет. Комната была опечатана. Они спросили у следователя?

– Твое какое дело? – зашипела Зинка. – Явилась сюда нос свой везде совать.

– Это мое дело, – упрямо сказала Лара. – Я хочу, чтобы следствию дали разобраться во всем и найти убийцу. Не понимаю, что за спешка – все из комнаты вытаскивать, если там могут быть улики. И вообще: как такое количество непонятных вещей поместилось в комнате, – она

дотронулась до одной сумки. – Тут что-то похожее на бумаги или книги. Хватило бы на небольшую библиотеку. Покойная что, большая любительница книг была?

– Семен, Валера, она ваши вещи хватает! – завопила вдруг Зинка.

На пороге комнаты возникли два человека. Ясно было, что это отец и сын. Не то чтобы общие черты, скорее одинаковое выражение лиц. Как у людей, которым кажется, что все постоянно лезут к ним в карманы. У старшего были довольно густые усы, у младшего – лицо слишком гладкое, лишенное даже мимических морщин и следов какой-либо растительности. «Как после эпиляции», – подумала Лара.

– Кто хватает наши вещи? – спросил тот, что с усами, глядя на Лару острым взглядом, который очень напомнил взгляд Валентины.

– Вы сын Валентины Николаевны? – из вежливости уточнила Лара.

– Да. А что?

– Комната опечатана была. Следователи просили ничего не трогать.

– Это все из-за нее, Семен, – ввернула Зинка.

– Может, мы сами разберемся, – неприятным металлическим голосом сказал сын Семена. – Никто бабушку не убивал, что вы тут напридумывали. Мы взяли из комнаты свои вещи, они нам нужны. А у бабушки было всегда высокое давление. И вообще это наше дело.

Лара вернулась в свою комнату и быстро набрала телефон Сергея. Рассказала все ему.

– Спасибо за звонок, – сказал он. – Я как раз у следователя. Это недалеко. У них там много еще сумок?

– Несут. Я вижу в окно: там даже не грузовик, а фура, или как такая махина называется.

– Мы подъедем через пятнадцать минут. В любом случае успеем их перехватить. Если все будут сворачивать слишком быстро, скажи им, что Валентина убита. Отравлена. Есть результат экспертизы. Могли бы сначала поинтересоваться, а не мешки таскать.

Глава 15

Семен с Валерием тащили к выходу по две клетчатых сумки, когда в квартиру вошли Сергей и Слава.

– Добрый всем день, – сказал Земцов, глядя на родственников Валентины. – Это называется: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к ней. Я пришел, господа Сидоровы, после неоднократных попыток встретиться с вами на своей территории. Получена экспертиза, ваша мать и бабушка убита, отравлена сильным ядом. Нам с вами нужно обсудить столько вопросов, включая теперь и выдачу тела для погребения. Все ваши телефоны заблокированы, домашние не отвечают, вот эта помощница покойной Валентины Николаевны – Зинаида Печкина – убеждала нас в том, что вы за рубежом. А на самом деле вы вывозите вещи из опечатанной комнаты.

– Она что, не наша? – грубо спросил Валерий. – С какой стати вы вообще ее опечатывали, если у бабушки есть наследники.

– Вы – еще не наследники, – мягко улыбнулся Сергей, потрогав носком ботинка одну из сумок. – Вы, извините за прямолинейность, подозреваемые. И останетесь таковыми, пока не будет найден убийца. Понимаю, вы могли быть за рубежом, вам хочется что-то вывезти из этой квартиры… Но очень странно, что вас совершенно не интересует факт убийства близкого человека. И вы не стремитесь помочь следствию найти убийцу.

– Вот вы и подставились, – вдруг негромко произнес высокий женский голос. Все, включая Сидоровых, с удивлением посмотрели на Нину Георгиевну, чистенькую, седенькую, невинную и совершенно спокойную.

– Что вы этим хотите сказать, Нина Георгиевна? – уточнил Сергей.

– Разве не ясно? Они скрывались от следствия, а сейчас решили похватать все награбленное и скрыться.

– Черт! – воскликнул Валерий. – Она больная. Точно помешанная. Какое награбленное? У кого?

– У нас хотя бы. Мы ей платили каждый месяц просто так. Она нас шантажировала со своими подельниками. С участковым и Зинкой.

– Ну, что ж, – заключил Земцов. – Поступило заявление, которое мы должны проверить, поскольку оно может пролить свет на убийство. Прошу открыть сумки.

– И не подумаем, – быстро произнес Семен, лицо его стало почти белым.

– Придется, – подмигнул ему Слава. – Сейчас наша группа вернет то, что вы уже вынесли, и мы посмотрим. Это ведь могут быть наркотики, не так ли? Книги, тетради, альбомы с семейными фотографиями так спешно не вывозят, нарушая постановление следствия.

Лара стояла у двери своей комнаты, чувствуя, что у нее от удивления приоткрылся рот. Это какой-то триллер, или родственники Валентины – сумасшедшие. Почему они так странно себя ведут на самом деле? Но что там в сумках? В квартиру уже заходили те же люди в форме дворников, ставили вынесенные сумки, возвращались за другими. Им помогали оперативники. Прихожая была заставлена полностью.

– Лариса Корнилова, – обратился к ней Земцов. – Вы можете пробраться к выходу на площадку, позвонить к соседям и сказать, что следователь Земцов просит их зайти сюда? Нам нужны нейтральные понятые, не из вашей квартиры.

Лара кивнула, подобрала длинные полы халата и протиснулась на площадку. Привела двух соседей: девушку лет восемнадцати и старика с палкой. У девушки от любопытства глаза были размером с блюдца. Отец и сын Сидоровы стояли, безучастно глядя в пол.

– О! – воскликнул Земцов, расстегнув молнию на одной сумке. – Сережа, посмотри, а ты говорил, книги… Наличные. Пятитысячные купюры. Причем вот достаю с самого дна – они же. Не «кукла».

– Ты меня с кем-то путаешь, – возразил Сергей. – Наверное, с Ларой. Я в таких случаях, когда фура и все такое, – никогда не говорю, что книги. А в этой сумке – еще интереснее, Слава. Тут валюта. Правда, сверху пачки чистой бумаги. Много. Кто-то из них труды собирался писать. Мы попали. Теперь придется бабки считать, составлять протокол, держать понятых и соседей.

– Это бабушкины деньги, наши сбережения, вы не имеете права… – срывающимся голосом пискнул Валерий.

– О конфискации речь не идет, – пожал плечами Слава. – У нас вообще отдел по расследованию убийств. Такая сумма могла быть мотивом, вот что для нас важно. Да, деньги будут пересчитаны, мы вернем затем их в комнату, и она будет опечатана уже серьезно. Вам придется подождать конца расследования, ну и, конечно, объяснить их происхождение.

– Я же вам сказала: она нас грабила, – тоненько вякнула Нина Георгиевна.

– Она собирала с жильцов тысяч десять в месяц, – объяснила Лара.

– Если это ваши деньги, – заметил Сергей, – то вы живете тут лет сто. Здесь много миллионов, прикиньте, пожалуйста.

– Мы продали машину, одну квартиру… – голос Семена звучал не очень уверенно.

– И больше вам негде было деньги держать, – кивнул Слава. – Не беспокойтесь, мы постараемся разобраться. В таких простых делах, как продажа квартиры и машины, нет сложностей. Ребята, начинайте считать. Все пересчитанное возвращайте в сумку, из которой это взяли, потом несите в комнату погибшей.

В комнате Валентины их как раз и ждал наибольший сюрприз. На полу лежали обрывки обоев, фанера, хлопья штукатурки. В одной из стен была дверь, а за ней оказалась другая комната. В ней деньги, конечно, и хранились. Прямо в этих сумках. Больше негде. Комната Валентины была тесно заставлена старой мебелью.

– Вторая комната тоже принадлежала вашей матери? – спросил у Семена Земцов.

– Нет, просто ее хозяйка живет в другом месте, мама решила пока… Она, наверное, с ней договорилась… Я не в курсе.

– Ни с кем она не договаривалась, – прояснила ситуацию Нина Георгиевна. – Лидия Васильевна Смирнова, пианистка, просто исчезла! Нет у нее никакого другого места жительства. Она бы нам сказала. Можете у Толи спросить. Он тут с детства живет. Только жениться уходил. Валька с участковым запрещали нам об этом говорить. Угрожали. А у Лиды родственники в другом городе есть, не знаю, в каком. И она вообще не болела. Уезжать тоже не собиралась. Но мы не знали, что они комнаты соединили. И такие деньжищи там держат.

– Деньжищи – это одно, – спокойно сказал Сергей. – Они есть сейчас у самых непонятных людей. А вот то, что вы не заявили о пропаже человека, – это как объяснить? Чем таким страшным вам угрожали?

– Есть чем, – с непроницаемым лицом ответила Нина Георгиевна. – Тем более, Валька сообщила, что Лиду ищут.

Глава 16

Люди Земцова считали деньги, складывали их обратно в сумки и вносили цифры в протокол. Понятые стояли у стены и хлопали глазами. Наследники Валентины сидели у стола, курили и хмуро следили за руками тех, кто считал. Дверь в комнату была открыта, все жильцы наблюдали за происходящим из коридора, как из зрительного зала театра. Поэтому никто не заметил, как в прихожую вошла Марина со своим бывшим мужем Петром Романовым. Оглянулись на них, только когда Марина ахнула, а Петр смачно произнес: «Опаньки! Это называется: попали в квартиру, где деньги лежат!» Сергей подошел к Марине, поздоровался, улыбнулся ее мужу.

– Рад знакомству. Сцена действительно впечатляет. Для полноты картины не хватало только Романова. Я так понимаю, Марина, он и явился.

– Не понял, – насторожился Петр. – Кто вы и откуда меня знаете?

– Сергей Кольцов, частный детектив. Интересуюсь расследованием убийства соседки вашей жены. Я ведь правильно понял: вы бывший муж Марины?

– Да, – ответила та. – Это он и есть. Он тебя не знает, Петя, ты какой-то стал пугливый. Я просто рассказала Сереже, что не поменяла свою фамилию на твою.

– Да, я вас приветствовал исключительно как возможного представителя династии.

– Не могу сказать, что я польщен, – без улыбки ответил Петр. – Марина, ты всем своим новым приятелям обо мне рассказываешь?

– Через одного, – небрежно кивнула Марина. – Сережа, не обращай внимания. Петя очень подозрительный. Кроме того, у него стресс. Он только что от меня узнал, что Валентина умерла. Он к ней приехал вообще-то. Мы встретились во дворе. У нее есть, ну, были всякие знакомые нотариусы, он хотел быстро оформить генеральную доверенность на себя на переустройство моей квартиры. Он ее уже два года переустраивает. Теперь решил какие-то перекрытия опять переносить, а у меня нет времени с ним ездить по нотариусам. А к Вальке они на дом ходили.

– Наш прокол, – произнес Сергей. – Да… Нотариус. Мы же не знаем, оставила ли она завещание.

– А если узнаете, на кого оставила, то это и будет у вас убийца, да? – хохотнул Петр.

– Ну, бывает и так, – ответил Сергей. – Но далеко не всегда.

– А что здесь происходит, можно спросить? Откуда такая куча денег? Если это Валентинины, то почему их считают менты, пардон, полицейские? В присутствии, я так понял, понятых? Я ничего не пропустил? Нет закона, по которому наследство умершего человека полиция отбирает. Вроде тут родственники находятся.

– Лично я не слышал про такой закон. Скорее всего, его нет. Я вообще – частный наблюдатель, если вы не поняли. Деньги считает следствие, чтобы оставить их на месте, с которого их хотели увезти родственники.

– А они не имели права?

– По завершении следствия имеют. Пока это не деньги. Это возможный мотив убийства. И хранились они в чужой, как выяснилось, комнате.

– Да, я вижу, что Валька влезла в комнату Лиды, которая пропала, – сказала Марина.

– Вам что-то известно, Марина, об исчезновении этой соседки?

– Просто однажды она не пришла домой. И все.

– И вы ее не искали?

– Валентина говорила, что ищет. Вроде заявление куда-то писала. Врала, наверное. Чего там писать, если Колька Нискин у нее торчал каждый день. Я в такие дела не лезу.

– А соображения какие-то есть?

– Ну, теперь понятно, что они просто выжидали. Если Лида точно пропала, то Валька, наверное, прибрала к рукам ее комнату.

– Возможно. Если успела. Смерть Валентины была внезапной.

– Так. Поболтали мы мило, – решительно сказал Петр. – Но нам надо решить вопрос, Марина. Поехали ко мне в офис, я из машины позвоню, туда приедет нотариус. Я для тебя стараюсь вообще-то. Сейчас без разрешения собственника ничего нельзя. А тебя ловить по каждому поводу и упрашивать у меня нет возможности. И надо успеть до Нового года. Потом никого не поймаешь.

– Ладно, поехали, – согласилась Марина. – Тут все равно такой бардак: ни поесть, ни помыться. Пока, Сережа.

– Пока. Повезло вам с мужем. Заботливый.

– Повезло с бывшим мужем, – рассмеялась Марина. – Мужем Петя-то как раз был так себе. Сейчас он действительно старается. Хочет, чтобы я была довольна разводом.

– Это ценно, – прочувствованно произнес Сергей, и Петр быстро повел за руку Марину к выходу.

– Слушай, – сказал он ей на площадке. – У тебя с головой все в порядке? Ты что обо мне болтала этому сыщику?

– Я что-то плохое сказала? – удивилась Марина. – Наоборот, тебя похвалила. Он же ответил, что это ценно.

– Плохое! – резко ответил Петр. – Очень советую тебе рот по моему поводу не открывать.

– Да что ты говоришь! Прям страшно стало. Я тебе, Петя, вроде живая нужна. Ты по доверенности не только перекрытия в моей квартире будешь ломать, ты по ней деньги с моих счетов выведешь. И об этом я тоже сказала Сереже. Он парень добрый, не навредит.

– Какая ж ты паскудная баба.

– Я? Не поняла претензий. Я не сделала чего-то, что ты просил? Хоть раз? Это ты неблагодарный. Я очень хорошо о тебе отзываюсь. Но раз ты этого не ценишь, скажу тебе кое-что. Ритку я твою видела в парикмахерской. Она похожа… – Марина внимательно посмотрела на мужа. – Она похожа на тебя, переодетого в платье. Просто ужас! Она – женщина?

Петр минуту помолчал. Когда заговорил, у него было такое выражение глаз… Марина видела их смеющимися, жаждущими, пьяными, злыми. Но никогда не видела такими мрачно-жестокими.

– Слушай, – прошипел он. – Не зарывайся. Ты слишком поверила, что нужна мне. Это не так. Все проблемы решаемы.

На мгновение Марину обдало холодом страха. Она вдруг ясно поняла, что для человека, которого она так близко вроде знала, – убийство тоже решаемая проблема. И он ей угрожает. Но медлила она совсем недолго. Она выдернула свою руку, которую он продолжал крепко держать за локоть, и повернулась к нему запылавшим от ярости лицом.

– А пошел ты, Романов, со своим нотариусом, перепланировкой и доверенностью. Крутись сам. Тебе это нужнее. Я домой пошла. Устала после работы. Я же не ворую, как ты. – Она посмотрела, как застыли его скулы, как он открывает сведенный злобой рот, и вдруг улыбнулась. – Давай, ори! Пугай, что ты крутой. Обстановка располагает. Полная квартира полиции. И мой друг – частный детектив. И вообще: что это ты поехал сюда без звонка мне, сразу к Вальке? А если бы я не приехала, кто бы тебе доверенность подписывал? В том случае, если бы Валька, конечно, была жива? А? Может, у тебя другие дела тут были? И не с Валькой? Ты, случайно, не узнал, что она умерла, а родственники деньги именно сейчас вывозят? Мне твои дела безразличны, ты это знаешь, просто пару раз видела, как вы с ней шептались. Покедова, муж, который объелся груш!

Марина быстро вернулась к двери, открыла ее и сразу захлопнула за собой.

Глава 17

Настя выскользнула из его рук. Сергей проснулся, чтобы в очередной раз удивиться тому, что ему продолжает сниться собственная жена по ночам, и он всякий раз пытается ее удержать, а она то тает, то уплывает. Вот сейчас она выскользнула, как русалка. Забавно, он ведь на самом деле обнимал ее во сне, а она тихонько, гибко освобождалась из его объятий. Прямо как шпионка в голливудских фильмах.

– Вот куда ты рвешься? – укоризненно спросил Сергей.

– Я думала, ты спишь. Ты часто душишь меня во сне. Нет, мне это приятно. Просто нужно сбегать в магазин. Скоро Олежка проснется. У нас нет молока.

– Купи мандаринов, – зевнул Сергей.

– Я и собиралась.

– Нет, не нам. Отдельно. Два килограмма. Не трудно? Мне нужно навестить в больнице одного раненого кренделя.

– Что за крендель?

– Участковый, который крутился в той самой «нехорошей» квартире, где чудеса, где леший бродит… Голову ему проломили.

– Да ты что! И вы знаете, кто это сделал?

– Откуда. Получил боевое задание от Земцова – что-нибудь выудить из этой пробитой, но заштопанной головы. А там и по целости ловить было нечего… Сложное дело.

– Знаешь, – всегда ясное лицо Насти стало хмурым. – Ситуация с головой иногда в таких случаях меняется в неожиданную сторону. Например, появляются паранормальные способности, образное видение и так далее. Очень интересное задание.

– Ты меня обнадежила. Осталось соответствовать полету обновленного Колиного интеллекта.

– А вообще жалко его. Новый год. Я ему куплю маленькую елочку, искусственную, с игрушками. Они бывают очень красивыми.

– Давай, – вздохнул Сергей. – Порадуем хоть его. Что подарить родному ребенку – это второй вопрос.

Настя повела себя странно. Она нерешительно постояла у кровати, потом вернулась к Сергею, прилегла рядом, нежно провела рукой по его лицу. Он обнял ее машинально и что-то опасное увидел в ее взгляде. Она всегда так красиво и виновато смотрит, когда вступает в заговор с сыном против него, Сергея.

– Какая-то свинья мне сейчас будет подложена, нет?

– Ты ошибся. Совсем немножко. Не свинья. Олежек хочет, чтобы мы ему на Новый год подарили собаку.

– Что??? Почему он не хочет слона или бегемота? Почему не хочет, чтобы я прыгнул с крыши нашего дома на крышу соседнего? Ты ему объяснила, что это невозможно?

– Я так не считаю, – кротко, виновато, но непримиримо сказала Настя. – Ребенку полезно общение с верным другом. И потом: я пока дома, мы бы справились…

– Боже мой! – схватился за голову Сергей. – Мне все говорили, что ты странная. Я не сомневался, что ты родишь странного ребенка, вы оба только тем занимаетесь, что пытаетесь окончательно отравить мне жизнь…

– Ты выступил? – улыбнулась Настя.

– Да, – притянул он ее к себе. – Он хочет ирландского волкодава или дикую собаку Динго?

– Олежка пока не знает. Он правильно говорит: «Я хочу, чтоб мы с ней влюбились». Но маленькую он не хочет на самом деле. Он не верит, что это собаки. Говорит, это такие кролики.

– Кстати, а чем плохи кролики?

– Они всем хороши, – сказала Настя. – Просто Олежек хочет собаку.

– Вот денек начинается. – Сергей поднялся, посмотрел в окно. – На улице дождь в конце декабря. Мне нужно тащиться к Нискину в больницу с невыполнимой миссией, а тем временем моя семья выберет мне зверя, который меня же и укусит.

– Ты не любишь собак? – сочувственно спросила Настя.

– Люблю, – серьезно ответил Сергей. – Настолько, что никогда не позволял себе даже думать о них. Это – ответственность. И если вы до моего возвращения не откажетесь от этой мысли, то выбирать пса буду я. Потому что вы не будете с ним гулять. Олежка – маленький и несерьезный даже для маленького песика, ты – затворница. У пса не будет выбора. Только я.

– Я тебя люблю, – просто сказала Настя. – Не решалась попросить, чтобы ты выбрал. Мы действительно не справимся. Но надо, чтобы Олежка влюбился, он же сказал.

– Наш сын – болтун, – заявил Сергей. – Ты заметила?

– Интересно, в кого бы это, – рассмеялась Настя. – Все, я побежала. Действительно трудный день.

Едва захлопнулась за ней дверь, как позвонил Земцов.

– Привет, – сказал Сергей. – Чем у вас там вчера закончилось?

– Если в рублях, то миллионов сто. Завещание на комнату она давно написала на внука, оно у него дома. Ее экземпляра в комнате мы не нашли. Вроде он у нотариуса. Нотариусы у нее исключительно левые. Мы конторы все поблизости обзвонили: нет такой клиентки. Сын и Печкина вроде никого не знают. Что с комнатой исчезнувшей соседки, пока не выяснили. Сидоровы утверждают, что Валентина не имеет к ней никакого отношения. Просто негде больше было держать скромные сбережения. Банкам она не доверяла. Я к тому, что, если ты поедешь к Нискину, может, и этот вопрос затронешь, пока он в расслабленном состоянии. Что-то тут с чем-то связано. Заявление об исчезновении соседки Валентина писала ему же. Возможно, в этой квартире – два трупа, а один участник событий как раз лежит с пробитой головой.

– Моя жена считает, что сотрясение мозга могло спровоцировать его интеллектуальное развитие.

– Я тоже в этом почти не сомневаюсь, – серьезно сказал Земцов. – Ухудшать там нечего.

Глава 18

Из-под бинтов глаза Нискина не смотрели, а таращились. Может, и права Настя, но Коля показался Кольцову вылитым Шариковым из фильма «Собачье сердце».

– Узнал? – вместо приветствия спросил Сергей, чтобы сразу решить вопрос с успехом операции.

– Да, – слабым голосом пролепетал Коля. – Ты – сыщик. Бандита у меня забирал. Фамилию я его что-то забыл. Голова болит. Но это он меня, понял?

– Вспомни, пожалуйста, фамилию, – Сергей сел на стул рядом с кроватью. – А то разговор несерьезный. Он родился в этой коммуналке, где ты постоянно ошивался. Если ты забыл его фамилию, то что с тебя вообще взять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.